

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

The background of the cover is a detailed illustration. On the left, a large, classical-style statue of a woman in a long, flowing dress stands on a pedestal. To her right, a man with long dark hair, wearing a brown leather jacket and dark pants, walks towards the right. He is holding a sword in his right hand. In the sky above, a large dragon with reddish-brown wings is flying. The background features a city with tall, stone buildings and a prominent tower, set against a dramatic, sunset-colored sky with orange and yellow hues. The overall style is a mix of fantasy and adventure.

АНДРЕЙ КРАСНИКОВ
ПУСТОШЬ

Annotation

Перемены всегда приходят внезапно. Рико, младший ученик мага, ощутил это в полной мере. Его спокойная и мирная жизнь в одно мгновение превращается в гонку на выживание. Враги повсюду, единственный путь для бегства — в глубины Пустоши... В глухие земли, оставшиеся после давней войны. Туда, где странные существа и обрывки древних заклинаний блуждают в бескончаемом хороводе, подстерегая неосторожных путников. Где ветер играет песком на улицах заброшенных городов, а к небу возносят свои шпили храмы забытых богов...

Андрей Красников

Пустошь

Глава 1

— Собственно говоря, сегодня я окончательно решил, что такой раздолбай в качестве ученика мне больше не требуется, — веско произнес развалившийся в кресле лысый старикашка. Еще раз смерил меня взглядом с головы до ног, скривил неодобрительную гримасу и потянулся за бокалом вина.

Мне же оставалось лишь почтительно стоять и, фигурально выражаясь, обтекать. Так как за последние десять минут учитель потратил львиную долю своего богатого словарного запаса с одной-единственной целью — донести до меня всю ничтожность моей личности и всю бесперспективность ее, личности, дальнейшего существования.

Досталось слабым успехам в области оперирования магической энергией, невразумительным результатам во время практических занятий, не осталась забытой легкая неряшливость в повседневной жизни... Учитель даже намекнул, что новые языки — и те даются мне хуже, чем могли бы. Хотя я до сегодняшнего утра наивно считал, что как раз в изучении древней письменности продвигаюсь лучше всего.

Но все эти мелкие придирки, оправданные и не очень, терялись и меркли на фоне итоговых слов. Меня просто-напросто выставляли из уже привычной жизни, наполненной ощущением тайны и, чего уж греха таить, избранности. Прощайте, древние свитки и легкий серебристый туман магии. Здравствуй, прилавок в таверне отца и насмешки над неудавшимся чародеем.

Наверное, мысль о грядущих переменах и заставила меня включить голову. Не знаю, как обстоят дела в остальной Пустоши, но в Хрустальном оба городских мага считали себя настолько выше остальных жителей, что пользовались заслуженной нелюбовью всех подряд от мала до велика. Само собой, в лицо им никто ничего подобного не говорил, да и не скажет никогда — из опасения за целостность своей шкуры. Но вот бывший ученик мага — это совсем другое дело. Никто не упустит возможности поиздеваться над тем, кто почти взлетел в неведомую высь, но не удержался и шлепнулся обратно. Народец у нас в городе тот еще. Жалостью и состраданием никто особо не блещет.

Да и вообще возвращаться к жизни сына трактирщика мне хотелось мало. Таскать посетителям пиво, чинить поломанную ими мебель, иногда получать по физиономии от упившихся в хлам... Для последнего, впрочем, существует наш вышибала, Хоральд, но здесь раз на раз, как говорится, не приходится.

Проблема заключалась в том, что учитель славился на весь город своим упрямством, и если сказал, что учеником мне не быть, то от своего слова уже не отступится ни при каких обстоятельствах.

— Возможно, вам, юноша, требуется особое приглашение, чтобы собрать свои пожитки и покинуть мой дом раз и навсегда? — недвусмысленно поинтересовался маг, рассматривая недопитый бокал вина.

Проклятье... В голову не приходило ни одной причины, по которой меня стоило бы не выгонять из башни. Переводить древние тексты маг и сам может, кормить живность в маленьком зверинце — на это есть Айвен, старший ученик... Что я должен делать такое, чего не могут другие, чтобы остаться здесь? Уходить просто так, молча и безропотно, теряя всякую надежду на лучшую жизнь в будущем, мне не хотелось. Совсем не хотелось...

Ответ пришел в тот момент, когда мой бывший учитель, похоже, окончательно потерял

терпение.

Я не могу делать ничего особенного, но я могу делать все подряд, облегчая жизнь старикашке. Да, быть слугой у мага — это совсем не то, что быть учеником. Но все же оставляет хоть какие-то надежды на будущее. Осталось только убедить его в том, что идея сто́ящая. Благо язык у меня подвешен вроде неплохо...

— Учитель... — Маг в кресле брезгливо сморщился, но ничего не сказал. — Учитель, позвольте сказать несколько слов! Я не пытаюсь выпросить прощения, но вы сами понимаете, мне бы очень не хотелось покидать это место. Поэтому я хочу предложить вам себя в качестве личного помощника, ответственного за все ваши повседневные дела и освобождающего бесценное время для вас и Айвена! Вспомните, сколько времени у вас занимают мелкие домашние хлопоты. А я могу избавить вас от них.

Наступила напряженная тишина.

— Кхм... Специально, что ли, речь заготовил? — наконец пробормотал старик, с задумчивым интересом изучая потолок. Затем несколько томительных минут рассматривал попеременно то меня, то свой бокал, очевидно взвешивая все плюсы и минусы моего предложения. Я затаил дыхание, ожидая ответа. Маг был упрямым, это факт. Но его практичность вполне могла встать на второе место в ряду личных качеств. Он просто обязан согласиться...

Наконец он все же с видимой неохотой остановил взгляд на мне.

— И чего ты хочешь взамен?

Правильно, если бескорыстные, основанные только на магической клятве отношения ученика и учителя заканчиваются и переходят в обыкновенные деловые, то не грех и обговорить условия. Главное, слишком сильно не радоваться.

— Прошу позволения читать книги из вашей библиотеки и присутствовать на занятиях с Айвеном, если это не будет мешать моей работе! — выпалил я единым духом.

— А еду и одежду сам добывать где-то будешь? — ехидно поинтересовался бывший учитель. Посмотрел на мою немного растерянную физиономию и неожиданно весело хмыкнул. — Ладно, это не проблема. Признаюсь, ты меня малость удивил своими запросами. Неужели в тебе внезапно проснулась жажда к знаниям? Или же просто неохота возвращаться в те трущобы, из которых ты таким чудом вылез?

Проклятый старикашка, как обычно, весьма точно угадал мои мотивы, так что оставалось лишь смотреть на него честными глазами и изображать неугасимую тягу к учебе. Что на фоне его недавней речи выглядело достаточно комично.

Маг тем временем, отрешившись от меня, опять рассматривал потолок и шевелил губами, что-то обдумывая.

— Ладно... — прервал он свои мысли. — Может, это действительно принесет пользу. Если не нам обоим, то хотя бы мне. И работник в башне действительно не помешает. Слушай внимательно, Рико, и не говори, что не слышал. Раз уж ты останешься в моем жилище, то разрывать клятвы я не стану. Я тебе, конечно, верю, но с ней как-то надежнее. Так что технически ты так и продолжишь быть моим учеником.

В принципе логично и ожидаемо. Ученическая клятва — заклинание, которое каким-то чудом пережило последнюю войну и последующие полтора столетия упадка магии, — обеспечивала замечательную верность ученика своему учителю. От рабства очень и очень далеко, но чем-то навредить наставнику ученик не мог в принципе. Точнее, мог, если ему было не жалко самого себя. Клятва каким-то хитрым образом впитывалась в энергетическую

структуру тела, обеспечивая этому самому телу проблемы, сопоставимые с величиной проступка. Украд монетку у учителя — получи головную боль. Рассказал кому-то секрет — расплачивайся внезапно появившимися хроническими заболеваниями. Попытался учителя убить — привет, остановка сердца.

Причем в обратную сторону это никак не работало, за исключением того, что при каждом непорядочном поступке наставника структура клятвы, или Клятвы, как ее иногда торжественно обзывали маги, истончалась и разрушалась, давая в конце концов полную свободу ученику. Ну и еще в ней был приятный бонус — защита от гипноза и ментального воздействия. В древности были весьма неглупые волшебники, которые совсем не собирались терять учеников из-за чьих-то подкововерных игр.

Так что при мне останется эта самая защита, пусть она и не особо кому-то нужна в наше время, а взамен я, как и прежде, не смогу ничего украсть из башни. Впрочем, не сильно-то и хотелось.

— Одежда и еда, понятно, за мой счет, как и раньше, — продолжал маг тем временем. — Пожалуй, если ты будешь хорошо справляться, я буду выдавать тебе по золотому в месяц. Не будешь — не получишь золотого, а потом и вылетишь отсюда, уже окончательно.

Я усердно кивнул. Золотой — это совсем даже неплохо. В принципе, при желании на него можно даже прожить тот самый месяц. Если покупать только хлеб и воду.

— С этого дня уборка полностью на тебе. Когда и как ты ее будешь делать — не моя забота. Хочешь — спи до обеда, а потом занимайся ею, хочешь — делай рано утром, а потом приходи на уроки вместе с Айвенгом, хочешь — ночью не спи. Но чистота чтобы была.

Это пунктик — любит учитель чистоту. Правда, в этом отношении он не совсем повернутый, так что ничего страшного. Мы с Айвенгом и так убিরались здесь по очереди, теперь просто придется делать это одному.

— Зверьки, понятно, теперь тоже на тебе, — продолжал перечислять маг. — Покупки на рынке, походы с поручениями...

Здесь он немного задумался, очевидно не представляя, чем еще можно занять нежданного помощника. Ничего не придумал и махнул рукой:

— Дальше будет видно. А теперь, юный отрок, порадууй своего нанимателя и принимайся за сегодняшнюю уборку, пожалуйста. И почистить клетку с ящерицей не забудь!

Именно таким образом мое ученичество плавно перешло в службу великому магу Ольду Кровавому. Прозвище, конечно, звучное, а на непосвященных так и вообще действующее как ушат холодной воды. Но на деле магию старик практиковал достаточно безобидную, хоть и связанную со всевозможным использованием своей и чужой крови в различных артефактах.

Скажу просто — самый стабильный источник дохода у мага заключался в долгосрочном контракте с городским советом, согласно которому Ольд в промышленных масштабах изготавливал артефакты для уничтожения грызунов. В город этих вредителей пробиралось немереное количество, а провизия, особенно зерно, в нашей пустынной и каменистой местности ценилась слишком дорого, чтобы позволять ее безнаказанно жрать кому ни попадя. Вот и садился каждую неделю маг за работу. Сцеживал у себя прямо из пальца полстакана крови, затем выливал ее в зачарованное блюдо, покрытое коряво нацарапанными рунами, давал там отстояться пару часов, а затем принимался капать этой кровью на подготовленные нами с Айвенгом хлебные катышки. Один шарик — одна капля крови. В итоге получался здоровенный котелок одноразовых артефактов, которые менялись в городской ратуше на несколько золотых монет. Затем их разбрасывали в местах, требующих

наибольшей защиты от вредителей, а дальше все было просто — крыса или пустынный прыгун хватала хлебный шарик, получали дозу яда от давным-давно отравленной крови старого мага, а затем ловили еще и несовместимые с жизнью повреждения от микровзрыва, когда заклинание определяло прикосновение чужого живого существа и воспламеняло частичку крови, пропитавшей хлеб.

Вот такая вот страшная кровавая магия. Понятно, что Ольду было доступно и много чего другого — недаром же старик возился с ней чуть ли не полвека. Один его посох чего стоил... Но в обыденной жизни оказались нужны хлебные катышки. Ну, еще личные защитные артефакты, которые приходилось делать долго и нудно, вдобавок стоившие для клиентов очень и очень дорого, из-за чего и не пользующиеся особым спросом.

Прямо сейчас мне, кстати, было поручено отнести очередную корзинку с хлебными шариками в ратушу, чем я и занимался, топя по пыльным улицам города и периодически отплеываясь, когда очередной порыв ветра бросал в лицо песчинки. Город наш старый... очень старый, один из немногих на полуострове, сумевших пережить войну. Именно поэтому столь дико и звучит сейчас его название — Хрустальный. Лет двести назад здесь варили хрусталь для окрестных государств, а сам город сверкал и переливался в лучах солнца всеми цветами радуги — хрустальные украшения были везде и повсюду. Увы, за последние полтора столетия мастерские исчезли, хрусталь на домах повывелся, а сам город превратился в обычное засыпанное пылью незаметно подкравшейся пустыни захолустье.

И всего-то ценности в нем — небольшой оазис, обеспечивающий водой нас и многочисленные караваны, шастающие туда-сюда по остаткам древнего тракта, да две башни магов, наполненные несметными сокровищами и артефактами... ну, это по мнению тех, кто внутри не бывал.

А основным занятием жителей являлось обслуживание тех самых караванов. Мой вот отец давным-давно завел трактир совсем недалеко от городских ворот и с тех пор особого горя не знал. Правда и прибылей неземных тоже — конкуренция была огромной.

Тем же, кто устроиться подобным образом не сумел, оставалось либо работать на благо города за смешные деньги, либо перебиваться какими-то другими случайными заработками, либо же отправляться в глубины Пустоши в надежде найти там артефакт времен последней войны и обогатиться. Только счастливых в последнее время что-то не видать, а возвращаются из пустыни искатели сокровищ все реже и реже. Поблизости местность давным-давно исследована вдоль и поперек, за исключением пользующихся недоброй славой развалин южнее города, а чем дальше в Пустошь — тем опаснее. Нет, существуют, конечно, давно сложившиеся и более-менее успешно действующие команды охотников за древностями, но их не так уж и много.

На моей памяти, правда, причем не так уж давно, был случай, когда довольные охотники, вернувшись в город, сразу же бросились к нашей башне и после яростного торга продали магу увесистую древнюю книгу, найденную где-то в дальних развалинах. Фолиант этот с тех пор бережно хранится на подставке, окруженный какими-то символами, чашками с кровью и прочими магическими атрибутами, — учитель всячески восстанавливает ветхую реликвию, борясь с желанием открыть ее и приступить к изучению. Не хочется ему, чтобы истрепанные временем страницы внезапно начали рассыпаться в руках.

За всеми этими раздумьями я и не заметил, как потихоньку добрался до ратуши. Зевающий охранник, знающий меня чуть ли не с самого детства, не стал ничего спрашивать, просто махнул приветственно рукой и продолжил с удрученным видом рассматривать

окрестности. Я ему даже посочувствовал — город у нас не самый благопристойный, хватает всякого люда, но недовольства советом в последнее время никто не выказывал и охранять ратушу было не от кого. Сиди весь день, смотри на пыльную площадь с пересохшим неизвестно когда фонтаном и иногда ради разнообразия чихай от попавшего в нос песка — вот и все занятия.

Внутри моему появлению тоже никто не удивился — привыкли уже. Помощник главы совета, со скучающим видом сидевший за массивным столом, кивнул, не говоря ни слова вытащил откуда-то из-под стола позвякивающий мешочек, отдал мне и принял взамен корзину с хлебными шариками. Вот и все, очередное поручение, считай, выполнено.

Обратно я шел заметно медленнее. Сказывалось нежелание возвращаться в башню, в последнее время ассоциировавшуюся у меня с непрерывным водоворотом хозяйственных дел. Пол подмети, лабораторию проветри, клетку с зубастой и агрессивной ящерицей помой... Та еще скотина, кстати, так и норовит цапнуть за руку, а гадит как табун коней.

Вроде и не так сложно все, что поручает мне маг, но когда это продолжается изо дня в день — взвыть охота. И месяца еще не прошло с момента изменения моего статуса в башне, а времена полноценного ученичества уже вспоминались с гложущей душу ностальгией. Ольд явно вошел во вкус, и теперь на мою голову свалилась вся черная работа по хозяйству. Плюс беготня по поручениям, которых становилось все больше. Что-то изучать времени практически не было, хотя маг полностью выполнял взятые на себя обязательства и я всегда мог свободно слушать то, чему он учит Айвена, равно как и просиживать штаны в библиотеке, разбираясь с книгами. Проблема была в постоянной накапливающейся усталости — все чаще и чаще я предпочитал просто отдохнуть от дневной беготни, а не осваивать какие-то там методики управления энергией.

Единственное, что мне до сих пор давалось легко и приятно, — это изучение иностранных языков. Так что теперь я с позволения старого мага частенько забирал к себе в комнату какую-нибудь книгу, привезенную с другого конца света, и разбирался в хитросплетениях иностранной грамматики до тех пор, пока глаза сами собой не закрывались. Этаким задел на будущее — что бы ни случилось с моей работой у Ольда, куда бы ни занесла меня жизнь, умение переводчика, думаю, позволит заработать на кусок хлеба.

Я даже приобрел в городе толстую тетрадь и потихоньку записывал туда свои заметки по древнеимперскому и древнесаккскому языкам, систематизируя накопившиеся знания. Учитель не возражал и даже посматривал с одобрением. Но и эта работа постепенно замирала, не выдерживая гнета повседневной усталости.

В итоге всего через несколько недель после того, как я напросился на должность слуги, мной уже овладело страстное желание удрать из проклятой башни куда глаза глядят. Останавливало лишь то, что я решительно не понимал, чем же буду заниматься, когда ее покину. Огромного спроса на переводчиков и еле-еле научившихся видеть энергетические потоки учеников мага в городе почему-то не было, в трактире работать не хотелось, а на то, чтобы примкнуть к каравану, который идет в более интересные места, откровенно не было денег. В то, что кто-то меня возьмет в дорогу бесплатно, не сильно верилось.

Да и получить новые знания все же хотелось. За два года, проведенные в учениках старого мага, я освоил одновременно очень много и очень мало. Очень много — для рядового жителя нашего города. Никто у нас не читает на древних языках, очень мало кто разбирается в истории и географии мира и уж точно всего считанные единицы что-то понимают в магической теории. Здесь я, без сомнения, молодец. Но вот в плане волшебства... После того

как я попал в ученики, полтора года ушло только на то, чтобы научиться видеть и чувствовать энергетические потоки. Это, как сообщил учитель, вполне нормально. А вот дальше начались мучения.

Полторы сотни лет разрухи и деградации не прошли даром. И методики обучения юных волшебников за это время явно потеряли в эффективности. Особенно с учетом того, что современные маги, за редким исключением, научить могли только обращению с той стихией, в которой поднаторели сами. Остальное — темный лес и для самого мага, и соответственно для его учеников. Скажем, просить Ольда вызвать дождь или молнию — бесполезно, не сумеет. Зато живущий на другом конце города Гаррус Нездешний без проблем справится с той самой молнией. Дождя, правда, не вызовет.

Мне же далеко до обоих. Умом я понимаю, как можно, скажем, заставить кровь загореться, а вот на деле все плохо. Так что пока основные мои действия в плане ученичества — это попытки «подружиться» со своим организмом и научить его впитывать энергию из окружающего мира. Первая ступенька кровавой магии заключается, как я понял, именно в этом. Маг одновременно учится воздействовать на энергетические потоки и пропитывает свое тело стихийной энергией. А затем происходит качественный скачок — становится доступным управление своим телом не на физическом, а на магическом уровне. И вот пожалуйста, берешь каплю крови, освобождаешь спрессованную в ней силу — и в итоге кровь загорается оттого, что вокруг нее происходит резкое усиление магического фона. Можно, кстати, поджечь сразу ногу или руку целиком. Но кровь потихоньку сама восполняется в теле, а вот конечность отрастить проблематично.

Опять же это в теории все просто. А на практике нужно научить организм запасать и удерживать энергию. И этим мне банально некогда заниматься, увы.

Размышляя о грустном, я потихоньку добрался до обители мага. Заданий больше на сегодня не было, так что, немного подумав, направился в библиотеку. После лаборатории — самое интересное место в башне.

Здесь, как обычно, было тепло и сумрачно. Несколько шкафов и письменных столов из дорогого темного дерева, погашенный камин, весьма потертый кожаный диван и четыре хлипких стула. Ольд, скорее всего, когда-то планировал вести шикарный образ жизни, отсюда и дорогая крупная мебель. Но затем, похоже, жизнь внесла свои коррективы — те же стулья были уже обычным ширпотребом, чуть лучше, чем у нас в трактире.

Кинув жалобно звякнувший мешочек на любимый стол учителя, я зажег две масляные лампы рядом с диваном и отправился к шкафам. В первом была собрана развлекательная литература из разных стран. В последнее время модно у них на континенте придумывать всякую ересь и продавать ее втридорога не умеющим считать деньги аристократам...

— Кхм... — Я воровато оглянулся. Ольда тоже ведь, получается, можно причислить к таким дурням. Но ему я был благодарен за его увлечение — ничто не позволяет учить языки быстрее, чем чтение книг.

Второй шкаф был гораздо более серьезным. И книги в нем внушали трепет своей монументальностью. Вот, например, стоящий невменяемых денег географический атлас мира. Вот десятитомник по довоенной истории. Справочник по растениям Пустоши. Интересно, какой безумный ученый создал его — неужели ходил по нашим краям вдоль и поперек? Хотя, скорее, просто путешествовал от города к городу, расспрашивал о травах, покупал образцы и не особо-то рисковал шкурой.

Остановился я у третьего шкафа, самого ценного и самого пустого. Всего-то десяток

книжек, все на древних языках, потрепанные, не особо презентабельные. Но ценой на порядки больше всего остального.

«Рунные надписи». Чуть ли не самая распространенная из всех древних книг, добываемых охотниками, объясняющая принципы использования письменности в магии. Встречается в коллекции у каждого уважающего себя мага.

«Философское обоснование жизни химер». Ну, по крайней мере, я перевел название именно так. Читать пробовал — та еще галиматъя, перемежающаяся глубокомысленными вопросами — достойна ли места под солнцем созданная магом химера? Создал ли маг полноценную жизнь или лишь ее жалкое подобие? Практических сведений в книге очень мало, но они все же есть, и учитель завел зверинец именно после того, как заполучил в свои руки этот труд. Старается, экспериментирует, но пока что-то ничего у него не получается, только ящерица пустынная становится все злее и злее.

«Пособие для поступающих в магическую академию». Броское название и абсолютная бесполезность. Рассказывающая о том, что именно студент должен выучить перед поступлением на тот или иной факультет. И не дающая никаких практических знаний, кроме названий факультетов и дисциплин. Ольд ее терпеть не может, но не выкидывает. Айвен как-то обмолвился, что книга была куплена магом за баснословные деньги, а в итоге не принесла никакой пользы. Так тоже бывает.

«Кровь как расходный материал». Думаю, именно с этой книги и началось становление Ольда как мага крови. Именно здесь расписаны базовые принципы использования организма в качестве накопителя энергии и последующая эксплуатация его в целом и крови в частности.

«Мемуары Конрада Темного». Аж трехтомник. Книги увлекательные и полезные одновременно. Именно по ним я древнесаккский язык изучал и изучаю. Этот самый Конрад, не скупясь на хвалу себе, любимому, длинно и со вкусом расписал всю свою жизнь — где был, кого страшал, каких демонов вызывал... Демонолог, маг-стихийник, да еще и артефактор, судя по книге. Сейчас бы самой влиятельной фигурой в мире был, наверное. А тогда, двести лет назад, просто болтающийся по миру любитель приключений, и не больше.

«Медитация». Тоненькая книжка с описанием медитативных упражнений для очистки сознания и повышения потенциала. Книжка не нравилась никому из нас — ни мне, ни Айвену, ни Ольду. Ибо намекала, что тот, кто не проводит в позе душистого коралла несколько часов каждый день, — лишь прыщ на теле человечества, недостойный даже мимолетного взора Истинно Просветленного.

«Боги — вымысел и реальность». Неожиданно серьезный труд, раскладывающий основные религии мира по полочкам, сортирующий, препарирующий их и отделяющий зерна от плевел. Самый неожиданный вывод, который я сделал, прочитав книгу, это то, что поклоняться нужно наиболее незначительным фигурам мирового пантеона. Главные боги, которым молятся жители различных стран, весьма неповоротливы... До такой степени, что часто становится непонятно, ответили они на мольбы паствы или нет. Скажем, взмолилась вся страна богу об окончании засухи — и пошел дождь. Но непонятно, сам он пошел или бог помог. Если же помолиться, так сказать, в частном порядке, о счастье и достатке для себя лично, то положат на тебя с небес детородный орган, и никакого толку не будет. А вот если найти где-то или сделать самому храм одного из мелких и незначительных божеств, то отдача может быть впечатляющей, вплоть до прямой помощи в сражении. Судя по книге, таких случаев было около двадцати за последние пятьсот лет.

Еще в конце книги, кстати, была интересная глава, посвященная размышлениям на тему — можно ли создать бога своими силами и молитвами. Получалось, что можно, но требуются усилия чуть ли не целой страны. Проще уж найти забытого бога и молиться ему — эффективнее получится.

Вот, собственно, и все древние магические книги. Еще есть собственные исследования Ольда на тему магии крови, и они гораздо более практичны — какие руны лучше работают, как сделать тот или иной амулет, в каком порядке следует создавать посох мага и прочее, прочее. Эти тетради лежат в следующем шкафу.

Но сегодня у меня по плану было чтение мемуаров Конрада. Надо немного освежить память — недалек тот день, когда учитель сочтет свое последнее приобретение готовым к чтению, и моя помощь ему точно понадобится — древнесаккский я знал уж точно не хуже его.

Продираясь сквозь дебри чужого языка, я потихоньку втянулся в историю демонолога. В этой главе он, продолжая невзначай хвастаться своим могуществом, со вкусом расписывал, как призывал демона для поиска шайки разбойников, терроризировавших земли какого-то лорда. Демон призвался упрямый, на уговоры не поддавался и время от времени пытался добраться до нежной плоти призывателя. Но в конце концов был все же покорен и отправился выполнять возложенную на него миссию...

На этом моменте мои глаза закрылись, а книга выскользнула из рук, стукнувшись о деревянный пол и заставив меня встрепенуться.

Подняв книгу и положив ее на столик, я с наслаждением зевнул и потянулся. Сон потихоньку отступил, но оставался где-то рядом, на задворках сознания. Некоторое время я посидел на диване, размышляя, чем же заняться. Восстановление языковых знаний сегодня явно не шло.

Наконец пришлось заставить свою обленившуюся тушку подняться и сделать несколько разминочных упражнений — иначе заснул бы вновь.

Чуток взбодрившись, я подошел к окну и принялся рассматривать Хрустальный с высоты. Башня, правда, не то чтобы очень высока — всего четыре этажа, увенчанная площадкой для наблюдений за звездами, — но стояла она далеко от центра города, и домишки поблизости были — самое большее в пару этажей. Библиотека же, из окна которой я высунулся, располагалась на третьем.

Город, освещаемый лучами послеобеденного солнца, казался вымершим. Лишь вдалеке, там, где начинался местный базар, наблюдалось хоть какое-то оживление. И на крыльце дома неподалеку мальчишка сосредоточенно строгал ножом какую-то палку. Наверное, делал копье. Возможно, для игр, возможно — для охоты на мелкую живность. Те же пустынные прыгуны — вполне приличное кушанье. Народ с претензией на аристократичность ими брезгует, а вот обычные, нормальные люди очень ценят. Мясо напоминает молодую свинину, только не такую жирную.

Из-за поворота улицы тем временем показался новый персонаж, за которым наблюдать было интереснее, чем за пареньком. Этаким франт, неизвестно каким образом попавший в наши края, — черный плащ, черные с серебром сапоги, черная же шляпа... Я не удержался и фыркнул — наряд совершенно неподходящий для нашей местности. В таком хорошо гулять по каменным залам столичных дворцов, он неплохо будет смотреться где-нибудь в горах, на побережье, но уж точно не в пропитанном пылью Хрустальном. Здесь в почете немаркая кожаная одежда, либо если уж из ткани, то неприметных цветов, чтобы не приходилось

постоянно чистить ее от пыли.

Франт, дойдя до мальчишки, что-то его спросил и получил в ответ небрежный взмах рукой, указывающий на нашу башню. Вот же... Я поспешно спрятался. Мог бы и догадаться сразу, что к нам очередной клиент пожаловал. Попадаться клиентам на глаза я не особо любил. Большинство из них оказывались богатыми, но жадными сволочами, лебезящими перед магом, но смотрящими на нас с Айвеном как на кучки крысиного помета. Оно мне нужно, такое общение?

Через минуту в дверь башни забарабанили.

— Хозяин, открывай! Дело есть!

Однако наглый какой. Обычно клиенты тихо-мирно звонят в дверной колокольчик и ждут, а этот вот разоряется на весь город.

На лестнице за стеной библиотеки послышались шаги Ольда и Айвена. Маг что-то злобно говорил ученику, но слов я не разобрал. Наверное, тоже не рад назойливому гостю.

Я вернулся к окну и прислушался. Внизу послышался лязг замка.

— Чего нужно? — далеким от почтения голосом рявкнул маг.

— Я имею честь разговаривать с Ольдом Кровавым, великим магом и жителем славного города Хрустальный? — витиевато и вежливо произнес гость. — Не представите ли мне также своего сопровождающего?

— А... гм, — пробормотал сбитый, похоже, с толку маг. — Да, я — Ольд, а это — мой старший ученик, Айвен. Чем обязаны визиту?

— Дело в том, что мне в руки попало нечто, явно имеющее ценность для собирателей магических диковинок, но сам я не могу понять, что именно делает эта вещь... Вот, взгляните...

За окном послышалась какая-то возня, а затем легкий свист. Я попытался расслышать что-то еще, но все было тихо. Заинтригованный, я выглянул в окно. И челюсть моя медленно поползла вниз.

Перед входом в башню на земле изломанными куклами валялись тела Ольда и Айвена, а над ними стоял одетый в черное незнакомец, задумчиво крутящий в руках какую-то украшенную хитрой резьбой палку.

И почти сразу же по моему телу прокатилась звонкая волна энергии, заставившая встать дыбом волоски на руках, — лопнула связь ученической клятвы, с абсолютной точностью сигнализируя о том, что учитель мертв. Совсем, совершенно.

Как раз в этот момент человек поднял голову, уставившись мне прямо в глаза.

Целую секунду мы с незнакомцем играли в гляделки, а затем он резко поднял руку с палкой вверх. Я же, очнувшись от ступора, не менее резко шлепнулся на пол, под защиту стены.

Над головой опять послышался тихий свист, а затем мне за шиворот посыпалась воняющая сырой могилой труха. Я позорно пискнул и на четвереньках ринулся прочь из библиотеки. Воображение услужливо нарисовало с десятков ужасных картин, разворачивающихся за спиной, но, обернувшись в дверях, ничего особенного я не заметил — только странное темное пятно на потолке, из которого непрерывно сыпалась каменная труха. Похоже, непонятная магия как-то подействовала даже на гранитные перекрытия, разрушая их структуру.

Монстров, нежити и прочих демонов в библиотеке не было, что и заставило меня притормозить свой суматошный бег и включить мозги.

Нападение произошло настолько неожиданно и было проведено настолько нагло, что я забыл про все правила безопасности, которым в самую первую очередь научил меня Ольд. А сейчас была самая пора про них вспомнить, между прочим.

Я метнулся к лестнице. Любой маг, обитающий в Пустоши, не суть важно, в городе или среди пустыни, всегда держит в уме, что может стать жертвой атаки другого мага или же отчаянных ребят, желающих лично узнать, много ли сокровищ припрятано в его башне. И соответственно каждый волшебник предпринимает меры против потенциальных врагов. Усиливает стены, двери, ставит заклятия на окна...

К сожалению, в данном случае все это оказалось бесполезным — Олда банально взяли на дурачка, вызываяще нагло и беспринципно. В результате дверь в башню осталась открытой, и львиная доля защиты просто исчезла. Но существовал второй пояс обороны, к которому я и мчался.

Башня представляла собой толстый цилиндр с винтовыми лестницами, позволяющими попасть с этажа на этаж. И на каждом этаже был механизм, наглухо перекрывающий врагам доступ. Говоря простыми словами — дергаешь за рычаг, и плита, стоящая у стены, падает, запечатывая проход снизу.

Собственно, этот рычаг, спрятанный за легкой занавеской от случайных глаз редких посетителей, я и рванул сейчас со всей дури. Через мгновение раздался протяжный скрежет, а затем стоящий вплотную со стеной каменный диск, украшенный горшочком с каким-то колючим растением, наклонился и с грохотом рухнул вниз, идеально закрывая собой лестничный проем.

Из-за той же занавески мной был извлечен длинный железный засов, который окончательно закрепил крышку на месте.

С той стороны преграды послышались приглушенные камнем ругательства и угрозы, но я уже отошел от первого неожиданного испуга и с мстительной радостью дернул за второй рычаг, спрятанный все там же.

Снизу раздался удивленный вопль и задорная ругань. А я резко опечалился. Если бы Ольд был жив, его кровь, разбрызгиваемая сейчас внизу, вспыхнула бы и банально затопила этаж огнем, сжигая все живое. Но старик умер, и энергия, накопленная в его крови, перестала подчиняться прежним приказам, оставшись в своем обычном состоянии.

Так что ворвавшийся в башню незнакомец сейчас всего лишь принял легкий кровавый душ, и не более того.

Первый, самый простой, план провалился — враг не умер и умирать, похоже, не собирался. И убить его у меня, скорее всего, не получится — чем, спрашивается... Значит, пора думать о бегстве. Ольд дураком не был и отлично понимал, что в мире найдутся умельцы, которые выдержат огненную купель, — не умением, так числом, потеряв часть отряда. А потом, рано или поздно, проломаются через все люки.

К огромному сожалению, моя комната находилась внизу, на втором этаже, так что личные вещи забрать мне уже не светило. Придется хватать вещи мага — то, что представляет собой наибольшую ценность...

В каменную пробку что-то мягко и мощно ударило, заставив ее подпрыгнуть и жалобно звякнуть засовом. А я резко ускорился. Мне нужна сумка! Большая вместительная сумка...

Увы, ничего подобного в библиотеке и соседней с ней гостиной не было. В библиотеке — одни книги и письменные принадлежности, в гостиной — красивые шкуры и картины на стенах, бутылки различных вин в шкафах... Я опять выбежал из нее в лестничный холл, увидел, что на плите появилась первая трещина, и, выругавшись, бросился в библиотеку.

Схватил свою висящую на спинке одного из стульев куртку, быстро завязал узлами рукава и, проклиная портных и свои корявые руки, затянул завязки. Получился более-менее надежный мешок.

Из-за двери послышался громкий треск, и я суматошным взором уставился на шкафы с книгами. Что брать?!

Первый и второй шкаф вместе с их содержимым отпадают сразу. Шкаф с древностями... Проклятье, какие они все здоровые и тяжелые... Боги... В преисподнюю богов... И медитацию туда же... И химер... Конрада хочется взять, но слишком тяжел, зараза...

В импровизированный мешок полетели пособие по рунам и книга по кровавой магии, после чего я прыгнул к последнему шкафу. За стеной послышался подозрительный лязг, как будто кто-то расшатывал засов, сдерживающий плиту. И я, не глядя смахнув в мешок все, что было на средней полке, бросился на выход, цапнув по дороге мешочек с монетами, полученными недавно в городе.

Увидел руку, высунувшуюся из дыры в расколотой плите и уже почти отодвинувшую засов. В порыве неожиданной смелости, смешанной со вполне ожидаемой злостью, подскочил поближе и со всей дури пнул.

Снизу послышался вопль боли, рука исчезла, а я помчался к лестнице на четвертый этаж. За спиной у меня вновь раздался грохот — похоже, враг тоже разозлился не на шутку.

Отдернуть очередную занавеску, рвануть рычаг... Чихнуть от взметнувшейся каменной крошки, задвинуть очередной засов.

А теперь подождать. Ловушка на третьем этаже была несколько другого типа, рассчитанная в том числе на то, что мага-хозяина башни уже может и не быть в живых, а заклинания, основанные на его крови, работать перестанут.

Только обычная механика и обычные средства.

Я дождался шороха под плитой и дернул за второй рычаг. Чуть ниже меня, на потолке третьего этажа, сдвинулись тяжелые плиты, в крошку разбивая множество хрупких склянок с горючим маслом. Которое тут же потекло, полилось и закапало вниз... Туда, где точно так же разбились бутылочки с какой-то алхимической дрянью, мгновенно вспыхнувшей и очень быстро сгоревшей. И, понятное дело, воспламенившей масляный дождь.

До меня донесся грохот и топот убегающего человека. Впервые за последние минуты я немного расслабился. Ловушка на третьем этаже — это ловушка отчаяния, уничтожающая большинство накопленных ценностей и гарантированно задерживающая врага. Масло, в отличие от крови, горит долго и жарко.

Скоро, кстати, здесь, на четвертом этаже, тоже станет жарко. Но это терпимо и не помешает мне более вдумчиво подготовиться к бегству.

Так... Личный кабинет мага, лаборатория, склад редкого снаряжения и готовых артефактов. Артефакты все, к сожалению, придется оставить. Слишком уж специфическая штука — магия крови. Маг умер — артефакты загнулись. Зато мне под руку попался вместительный рюкзак, куда перекочевали забранные книги, а также два хищных охотничьих ножа. Пригодятся тоже. Дальнейший обыск комнаты ничего не дал — наверняка где-то что-то есть, какие-то тайники с нужными и полезными вещами, но искать их сейчас мне точно не с руки. Я перешел в личный кабинет Ольда.

Массивный стол, прекрасное кресло, картина на стене, изображающая самого Ольда в молодости... Паркет из серебристого тиса, панели из красного дерева... Самая роскошно обставленная комната в башне — и я первый раз ее вижу так подробно. Для учеников она под запретом. Царство уединения Ольда Кровавого.

Быстро осмотрев все, что можно, я несколько приуныл. Из доступного — только очередной шкаф с винами. Пару бутылок я, кстати, забрал, распознав дико дорогие коллекционные сорта. Ну, еще книжка какая-то на столе. Цапнул тоже, не особо читая название.

Все остальное — заперто, и заперто намертво. Сейф за картиной, железный и устрашающий, покрытый маленькими дырочками, из которых того и гляди вылетит отравленный шип. Такой же комод... и все.

Как ни обидно, но их придется открывать уже ждущему где-то внизу своей минуты врагу. А я отправился в лабораторию.

Так много всего, а рюкзак далеко не бездонный, да и спина у меня не как у вьючного осла... Первым делом в мешок отправилась аккуратно снятая с подставки древняя книга. Надеюсь, магия старика достаточно над ней поработала и теперь ее можно читать спокойно. В любом случае не оставлять же врагу такую ценность. Маг вроде отдал за нее пару сотен золотых.

Склянки с зажигающейся на воздухе смесью, наподобие той, которая подпалила третий этаж. Беру. Вещь нужная: хочешь — костер зажжет, хочешь — дом чей-нибудь. Можно и врагу в физиономию бросить.

Такие же склянки, но снабженные этикетками с черными крестами. Это яды. Зачем они мне... Не знаю, но пару все же взял.

А дальше началась печаль. На что мне, спрашивается, блюдо с нацарапанными рунами, где настаивается кровь для хлебных артефактов? Или хрустальный шар, глядя в который, Ольд концентрировал внимание, а я испытывал головную боль? Какие-то порошки с непонятными названиями, здоровенный клык вымершей саблезубой кошки... хотя вот его я точно возьму, ценная вещь.

Микстуры, опилки, засушенные травы, баночка с человеческим глазом, брр... Слиток серебра, точно такой же — меди, точно такой же — еще какого-то серебристого металла, это берем.

В конце концов я набил рюкзак каким-то разномастным, но определенно ценным

хламом. И собрался вон из башни.

На случай побега Ольдом было разработано два варианта. Первый, банальный — это веревочная лестница, которую можно выкинуть из окна и спуститься по ней с тыльной стороны башни. При этом, кстати, вполне возможно обойти ничего не подозревающих врагов с тыла и устроить им смертельный сюрприз. Но воспользоваться этим способом я боялся — если маг ожидает меня на улице, моя песенка будет спета сразу же.

Второй вариант гораздо сложнее и надежнее. С отвлекающим маневром и полной незаметностью.

В башне на каждом этаже есть камин. Все они на одной стороне и все отлично работают. Но только на четвертом этаже в камин можно залезть, отодвинуть заднюю стенку и попасть в узенький колодец, ведущий в подвал и еще ниже. Ольд продумал все... Еще бы мозгов хватило не выскакивать на улицу перед кем попало.

Сначала я, знатно измазавшись в процессе, нащупал рычаг, закрывающий дымоход. Будет неприятно, если враг увидит падающую из камин сажу. Сразу заподозрит неладное. Затем с натугой отодвинул протяжно заскрипевшую дверцу, ведущую в колодец. Хорошо, что этажом ниже бушует пламя, — попробуй расслышать этот скрип.

С трудом забравшись в тесную трубу, я кое-как извернулся и закрыл за собой заслонку. Пришлось стоять на маленьком уступе — вниз никаких ступенек не вело, спускаться нужно было по уходящему в темноту толстому канату, пропитанному все тем же маслом. Благо рядом на крючке заботливо висели перчатки и кусок коровьей шкуры — чтобы обернуть ею канат и не пачкаться.

Я нащупал над головой очередной рычаг и, дернув его, аккуратно поехал по канату вниз. Из-за стены раздался грохот. Если все сработало правильно, то сейчас обрушился кусок перекрытия между третьим и четвертым этажами, отвлекая вражеское внимание и одновременно давая огню доступ на четвертый этаж. Где ему тоже найдется чем поживиться.

По задумке, сейчас враги должны с воплями бегать, пытаясь одновременно потушить пожар, спасти ценности, найти обитателей башни и пробраться на последний этаж — смотровую площадку. Потому что лестница туда тоже теперь перекрыта каменной плитой и создает полную иллюзию, что защитники спрятались наверху, а не ползут тихонечко вниз, под землю.

Все получилось в прямом и переносном смысле как по маслу. Кстати, я в нем даже не запачкался — все благодаря шкуре. Напоследок зажег радостно вспыхнувший канат — чтобы никто так же просто не смог последовать за мной. И, скорчившись в три погибели, пополз по узкому лазу прочь от башни. В одном месте нажал очередной рычаг — и за спиной проход перегородила толстая решетка. Ольд оказался осторожным сверх всякой меры — даже боюсь представить, какие сложности ему пришлось преодолеть, чтобы выстроить всю эту систему. Но сейчас я был искренне благодарен за его предусмотрительную трусость. Практически идеальная схема отступления.

Да еще и лаз дальше разделялся на два ответвления — одно, судя по рассказам Ольда, уходило за пределы города и заканчивалось на дне озера неподалеку. Второе вело в принадлежащую магу малюсенькую лавочку, где я или Айвен иногда продавали всякие безделушки. Лавочка была, по большей части, закрыта, да и люди знали, что за нормальными вещами нужно идти напрямую к магу. Но те же хлебные катышки иногда продавались, давая нам несколько лишних медяков, а самой лавочке — нормальное прикрытие.

Чуть подумав, я свернул в сторону лавки. Напавший на башню — чужак в нашем городе.

Конечно, на мою защиту никто не встанет — ни городской совет, ни стража. Разборки магов — это разборки магов, и обычные люди в них не лезут. Такое неписаное правило царит во всей Пустоши. Но и помогать меня найти тоже не будут. Разве что маг предложит совсем уж щедрую плату за поиск сбежавшего вредителя, поджегшего башню и утащившего из нее все самое ценное. В любом случае время для того, чтобы заглянуть к отцу и посоветоваться, у меня есть. Пока маг разберется в башне, пока поймет, что его надули, пока выяснит, кто и как это сделал... Несколько часов у меня имеется точно.

Выбраться в город у меня получилось без особых проблем. В лавке нашлась вода, я умылся, почистил одежду и вновь начал выглядеть нормально для Хрустального. То есть потрепанным и пыльным, но в меру.

Забросив на плечо рюкзак, я с независимым видом вышел на улицу, неторопливо запер лавку, стараясь не привлекать особого внимания, а затем медленно и вальяжно углубился в хитросплетения закоулков, постепенно ускоряя шаг, но не срываясь на бег. Немного попетляв, вновь сбавил шаг, вышел на одну из главных улиц города... И нос к носу столкнулся со спешащим куда-то Арбеном, старым приятелем отца.

— Рико, малыш! — крепко вцепился он в меня в то же мгновение. — Что там в вашей башне творится? Весь город смотреть идет! Что натворил старый чудака?

Арбен был одним из немногих, кто действительно хорошо относился ко мне, несмотря на то что я ушел из обычной жизни в жизнь магическую. Когда мы случайно пересекались в городе, мне всегда было приятно с ним поболтать, обсудить новости, узнать о делах отца, рассказать какую-нибудь байку про своего учителя. Но вот прямо сейчас разговоры вести мне совершенно не хотелось.

— Привет, дядя Арбен, — через силу улыбнулся я. — Я же больше не ученик этого крысолюба. Прогнал он меня недели две назад — сказал, мол, не выйдет из тебя ничего путного, только в трактире и достоин пиво разливать. Но в трактир я как-то не собираюсь, вот, подписался с охотниками завтра с утра в пустыню идти. Им польза — я ведь кое-что умею, мне — опыт... Бегаю вот, собираюсь, опаздываю...

Арбен слушал меня, выпучив глаза. Противно врать, но надо же как-то отгородиться от всего, связанного с Ольдом.

— А этот лысый пусть там хоть изжарится... Я смотреть даже не хочу, не мое больше дело.

И, пока собеседник не начал приставать с расспросами, продолжил:

— Побегу я, дел много. А вы гляньте, что там, потом из похода вернусь — расскажете. А я вам про поход. Все, я побежал!

Тряхнув морщинистую, но жилистую руку, я быстро смылся в сторону центра города, а затем, несколько раз свернув туда-сюда, оказался наконец позади отцовского трактира. За забором предостерегающе заворчали.

— Тише, Буян, это я. — Ворчание превратилось в радостное повизгивание, и я аккуратно перелез на задний двор, тут же оказавшись обслюнявленным огромным волкодавом. Правильно, что такое два года для собаки, которая выросла, каждый день играя со мной в этом самом дворе. — Тише, тише, — еще раз повторил я, обнимая лохматую морду. — Я тоже тебе рад. Но мне надо идти.

Буян проводил меня печальным взглядом и жалобным повизгиванием, прося не покидать его опять. Эх.

В трактире, как обычно вечером, кипела работа. Повар, отвлекшись на секунду,

улыбнулся мне щербатой улыбкой, приветственно махнул тесаком и, не говоря ни слова, вновь принялся рубить мясо. Незнакомый мне поваренок вообще не обратил внимания на странного посетителя.

Я бочком проскользнул в коридор и направился в кабинет отца. По идее, он сейчас там, терпеливо ждет, когда к нему кто-нибудь придет и вывалит проблемы. Вышибала притащит клиента, отказывающегося платить, официант, заливаясь слезами, принесет всученный ему фальшивый золотой, повар, размахивая тесаком, расскажет про катастрофическую нехватку овощей... Ну или, как сегодня, завалится сын и сообщит, что у него все плохо.

Сказать, что батя удивился моему появлению, — это значит ничего не сказать. Секунд тридцать он просто смотрел на меня и хлопал глазами. А я в ответ чарующе улыбался. Подозреваю, правда, что со стороны это было больше похоже на оскал умирающего шакала, но все равно.

— Вот так сюрприз, — ровно проговорил предок, продолжая смотреть на меня.

— Привет, отец.

— Дай-ка я угадаю, — не ответил он на мое приветствие. — Твой визит как-то связан с тем, что башня этого лысого уroda сейчас горит и разваливается, судя по тому, что рассказывают люди?

Пришлось быстро и сжато пересказать события последнего времени. Отец, хоть и не питал ко мне особо нежных чувств после того, как я свалил из трактира в башню мага, все же был родным мне человеком, к тому же в уме и хватке ему точно не откажешь.

Думал он долго, задумчиво барабанил пальцами по столам. Наконец откинулся на спинку кресла и, сцепив руки, уставился на меня.

— Значит, так, сын. Ты абсолютно точно сделал неправильные выводы. А именно — с чего-то решил, что о тебе никто ничего не узнает. Это в нашем-то городе. Пф!

В его взгляде было многое, не было там только уважения к моим мыслительным способностям.

— Как только тот маг поймет, что тебя в башне нет, а поймет он это быстро, следующий его вывод будет вполне однозначным — ты удрал, имея при этом достаточно времени для того, чтобы собрать все самое ценное, — и наверняка это сделал. Чтобы осмотреть остатки башни, убедиться, что там нет ни тебя, ни нужных ему вещей, ему понадобится час, может, два... Ты как давно оттуда ушел?

— Часа полтора назад...

— Значит, именно в это время он выходит к собравшейся поглазеть на горящую башню толпе и говорит — мол, добрые люди, я ваш новый городской маг, не можете ли вы мне найти сбежавшего прихвостня старого злодея, скажем, за двадцать золотых? Что будет после этого?

— После этого вся толпа радостно расскажет ему, как меня зовут, где мой дом, а потом еще и с песнями проводит сюда, — мрачно произнес я.

— Именно. И я буду очень рад двум вещам — если этот маг не раскатает по бревнышку мой трактир и если мой сын, которого он ищет, в этот момент будет очень далеко отсюда.

— А если спрятаться...

— Ты меня вообще слушаешь? Хватай свой мешок, возьми на кухне какой-нибудь окорок поувесистее и беги из города куда глаза глядят! Пошел!

Я молча кивнул, развернулся к дверям, сделал пару шагов, потом вспомнил про лежащие в рюкзаке бутылки и вернулся.

— Держи. Дорогие, очень. Счастливо, пап.

— Удачи, сын.

В коридоре я столкнулся с Хоральдом, кивнул ему и отправился на кухню. Повар на просьбу дать окорок лишь махнул рукой — мол, выбирай да проваливай.

Потрепав необычно тихого Буяна за ухом, я опять перелез забор, в этот раз чуть не порвав штаны. И бодрым шагом отправился в сгущающуюся темноту закоулков. Отец прав от и до. Сейчас вся толпа завалится в трактир, под шумок, возможно, что-то даже поломают или сопрут, но отец отбрешется. Маг спросит Хоральда, повара... хоть убей, не могу вспомнить, как его зовут. Те расскажут, что хозяйский сын взял окорок и удрал через забор.

Сжигать трактир вместе с отцом маг, думаю, не станет. Те же неписанные правила Пустоши. Если обычный люд не лезет в дела магов, то и маги не занимаются вредительством среди народа. Отец ясно покажет, что остался в стороне от наших магических разборок, маг не будет иметь к нему претензий. Надеюсь.

Пробираясь по улочкам, я поймал себя на мысли, что кручусь практически на одном месте, не понимая, что же мне делать. Легко сказать — сваливай из города. Сложнее это сделать особенно вечером, когда по городской стене начинают ходить бдительные стражники, а ворота закрываются. Придется, наверное, опять идти в лавку Ольда, лезть в подземный проход и всплывать посреди довольно грязного озерца на глазах у изумленных лошадей и верблюдов.

Но, выглянув на улицу, где находилась лавка, я остановился и поспешно нырнул обратно в сумрачный переулок. Дверь магазинчика была сорвана с петель, а поблизости крутилось несколько подозрительных личностей. Похоже, местный нечистый на руку народец смекнул, что хозяин отошел в мир иной, и воспользовался ситуацией. Спрашивается, чего они до сих пор там трутся... Ответ пришел неожиданно быстро — из проема двери выскочили еще двое, нагруженные увесистыми мешками, после чего вся компания шустро исчезла в переулке напротив.

Ну и отлично. В лавке все равно не оставалось ничего ценного, так что интересно даже, что они там такое унесли с собой.

Как можно быстрее и незаметнее я проскользнул до разбитой двери и скрылся внутри. Споткнулся о какой-то обломок и вполголоса выругался. Внутренности помещения как будто побывали в центре урагана — все разломано, разбросано и перевернуто вверх дном.

Аккуратно перебираясь через остатки мебели, я добрался до подвала — там тоже похозяйничали мародеры. Но потайного хода никто не нашел, а это — самое главное. Правда, пришлось разбить одну из алхимических бутылочек с огненной смесью, чтобы сориентироваться и найти механизм, открывающий вход. Пламя весело перекинулось на поломанный стул и запрыгало, освещая мрачные каменные стены.

Нужная плита повернулась с протяжным жалобным скрежетом, повинувшись нажатому под самым потолком кирпичу. Появилась черная дыра уже знакомого мне прохода. Надеюсь, в это самое время с другой стороны по тоннелю не ползет обозленный на меня маг.

Плита опять стала на место, оставив меня наедине с темнотой и затхлостью. Никакого освещения предусмотрено не было, а лампами я не запасся, так что опять пришлось ползти вперед на ощупь. Очень долго ползти. От башни до лавки — рукой подать, шагов сто, а вот до озера раз в десять дальше.

Поминая демонов и проклиная каких-то жирных червяков, время от времени попадавшихся под руки, я продвигался вперед. Долго и нудно. И наконец, когда уже отчаялся

выбраться из этой кишки, под руками начала ощущаться влага, а затем и сам тоннель резко ушел вниз, заполнившись водой, наглухо перегородившей дорогу.

Все, привал. Ольд говорил, что под водой нужно будет проползти около двадцати шагов... Единственная проблема — я никогда не пробовал делать это, да еще в темноте, таща за собой увесистый рюкзак. И справедливо опасался, что могу, собственно, там, под водой, остаться насовсем. Нырятьщик из меня так себе.

Пришлось посидеть немного, отдохнуть и подумать. В конце концов, я решил снова использовать свою куртку в качестве мешка — завязать покрепче, натянуть на голову и использовать наподобие купола, с помощью которого ныряльщики на южных побережьях собирают ракушки и ищут жемчуг.

Затея более-менее удалась. По крайней мере, пока я, ничего не видя, проклиная все подряд, боясь захлебнуться и считая каждый шаг, полз под водой, воздух в куртке более-менее держался, позволяя делать судорожные вздохи. Куртка, правда, постоянно пыталась сорваться с головы и всплыть, приходилось удерживать ее на голове двумя руками, пытаюсь при этом ползти и тащить рюкзак с бесценными книгами, потихоньку пропитывающимися водой.

Но у меня все же получилось — прокопавшись через слой липкого ила, я выбрался в озеро. Куртка тотчас же потащила меня вверх, и я аккуратно всплыл, благо глубина здесь была всего метра три. Да и до берега оказалось рукой подать. Там, к счастью, никого не было видно — единственный караван, приютившийся в оазисе сегодня, расположился на другой стороне озера.

Так что я, всего один раз вляпавшись в верблюжье дерьмо и потратив несколько минут на отмывание пострадавшей руки, беспрепятственно вылез на землю.

Побег из города удался. Книги в рюкзаке вроде тоже не слишком пострадали. Просушить придется, но в целом все хорошо.

Воняет от меня, правда, как не знаю от кого — тиной, илом, дерьмом верблюжьим... Появилась мысль потратить время и хорошенько отмываться, но ее сменила более прозаическая — если меня будут искать с собаками, то лучше, если я буду пахнуть тиной и какашками, а не самим собой. Может, и не выследят.

Подгоняемый мыслями про собак, я принялся рвать пахучий камыш, растущий рядом с берегом. Затем принялся прилаживать его себе на ноги. Провозился минут десять, пока не стало окончательно ясно, что без веревок у меня ничего не получится. Уже занес нож над одной из лямок рюкзака, но тут до меня дошло, что эта самая лямка, трущаяся по моей спине уже несколько часов, — самое то для собачьего нюха.

Разозлившись, выкинул камыш обратно в озеро и принялся думать.

До утра, скорее всего, серьезных поисков не будет. Побегают по городу, поищут в переулках, заглянут в лавку, но, даже если найдут проход, сюда, к озеру, выйдут уже глубокой ночью. Это в худшем случае. И появятся здесь без собак. А может, кто-то еще и утонет в подводной части лаза... Было бы хорошо — нечего охотиться за своим же соседом в угоду какому-то пришлому магу.

Итак, утро. Утром начнется настоящий поиск. На лошадях и с собаками. И шансов уйти от него у меня не будет. Никаких. Выследят, догонят, и наша встреча с магом однозначно состоится.

Можно пойти к каравану и попробовать купить лошадь или верблюда. Денег на какую-нибудь замороженную клячу у меня, наверное, хватит. Но вот продадут ли мне животное —

далеко не факт. Последуют вопросы, подозрения... И, как вариант, дадут дубинкой по голове и сдадут на руки страже. А стража так же спокойно выдаст меня магу. По все тому же принципу — разборки магов обычных людей не касаются и наоборот.

Значит, этот вариант отпадает. Да и вообще все варианты отпадают, кроме того, в котором я беру ноги в руки и со всей возможной скоростью удираю подальше от города, рассчитывая на удачу.

Есть, правда, милях в десяти к югу от Хрустального место, которое может мне существенно помочь: развалины какого-то небольшого городка — их все местные жители боятся, как нежить серебра. И туда, скорее всего, за мной никто не пойдет. Скажут, мол, беглец — там, за холмом. И все. Потому что маг, конечно, страшный, да только неизбежная смерть, наступающая каждого посетителя развалин, — тоже не подарок. Животные, кстати, туда заходить не любят категорически, так что собак тоже можно будет не опасаться.

Вот и отлично. Осталось только обойти город кругом и отмотать десяток миль по песку и камням. А там уж как повезет. Главное — не заблудиться по дороге.

Приняв решение, я бодрой рысью отправился в путь. Сначала мне предстояло обогнуть чуть ли не весь Хрустальный — по закону невезения, развалины, в которых я надеялся скрыться от возможной погони, находились с противоположной стороны. В скудно освещенную факелами полосу земли рядом с городскими стенами заходить было страшно, слишком удаляться от города — тоже. Здесь, конечно, достаточно безопасные места, но, бывало, забредало всякое...

Споткнувшись в темноте о неожиданно подвернувшийся под ноги камень, я со всего размаху шлепнулся на землю, ободрал ладони и ушибив колено. Рюкзак стукнул меня чем-то по голове и покатился вперед.

Прекрасно... Особенно удачно все сложилось бы, если бы алхимические склянки не выдержали толчка и разбились. Пришлось потратить время и рассортировать их по карманам. Если подпалят куртку и даже меня — ничего, переживу. А вот книги — точно сгорят.

Следующий час прошел в попытках как можно быстрее убраться подальше от города. Получилось — о Хрустальном напоминало лишь легкое свечение за пологим холмом, который я только что успешно преодолел. Но в целом итоги этой части пути были довольно неутешительными. Мокрые сапоги вместе с мокрыми же носками успели натереть мне ноги и превратить в еле ковыляющего по темной пустыне калеку. Обычные портянки в сапогах гораздо практичнее, но маг положил немало усилий, прививая нам с Айвенгом некую элегантность и утонченность... Отсюда и носки. Нет, в нормальной жизни вещь удобная, спору нет. Но вот прямо сейчас...

Пронзительно сверкающие на иссиня-черном небе звезды молча взирали на раскинувшуюся под ними Пустошь, по которой медленно брела фигурка человека с большим рюкзаком за плечами. Человек время от времени останавливался, чтобы осмотреться в темноте, затем неизменно поднимал глаза ввысь и рассматривал небосвод, пытаясь понять, не сбился ли он с курса. Потом вновь отправлялся в путь, приглушенно ругаясь на каждом шагу.

На звезды действительно приходилось смотреть постоянно. Кривые ноги, не имея четких ориентиров, постоянно уводили меня то в одну, то в другую сторону, и только благодаря созвездию Спящего Дракона получалось выдерживать нужное направление. В однообразной пустыне несложно пройти мимо остатков небольшого города, уйти дальше, к побережью... А там и заплутать, бродя из стороны в сторону, пока не найдет погоня.

Земля под ногами потихоньку начала покрываться все бóльшим слоем песка. В принципе, Хрустальный и так стоит почти на самом краю каменистой местности — дальше уже идет песчаная пустыня. Вот она уже и начинается, собственно.

Взобравшись на очередную горку, я остановился перевести дух. Похоже, все правильно и с курса я не ушел — милях в двух впереди на фоне звездного неба виднелись смутные очертания нескольких скал, расположенных, как я помнил, совсем рядом с развалинами. Помнится, мы втроем как-то ходили на них посмотреть. Даже прогулялись по древним, засыпанным песком улочкам. Страшно было до ужаса, хотя Ольд только презрительно фыркнул в ответ на расспросы об опасностях, наводняющих это место.

За спиной послышался слабый шорох, и я испуганно обернулся. Некрупный шакал,

подобравшийся совсем близко и едва различимый в сумраке, тут же отскочил в сторону и спрятался за камнем.

— Пошел прочь, скотина!

Подкрепляя свои слова делом, я с силой швырнул в сторону его убежища подобранный булыжник. Тот звонко разбился, осыпавшись осколками. Шакал, поджав хвост, окончательно скрылся в окружающей меня темноте.

Плохо дело. По одиночке эти мелкие хищники не опасны, но так они ходят редко, а в стае, насчитывающей десять-пятнадцать штук, начинают нагнать и терять всякий страх. Собственно, загрызть ночью одинокого путника для них не составит особой сложности.

Словно в ответ на мои мысли из темноты донеслось громкое тьяканье, закончившееся неожиданно радостным воем. А откуда-то издалека донеслись ответные шакальи голоса.

— Да чтоб вас... — Приходилось поторапливаться. Пока стая собьется вместе, пока окончательно соберется с духом для нападения, пройдет некоторое время. Я нащупал в кармане склянку с алхимической дрянью, подумал — и взял еще одну. Если окружают, можно будет напугать на какое-то время. Может, даже кого-то подпалить удастся.

До нужных мне скал добрался уже в окружении целой свиты. Шакалы возбужденно тьякали в темноте, иногда проскальзывали совсем рядом неясными, смутно различимыми при свете звезд силуэтами. Но пока что не нападали. Я, в свою очередь, не разбил еще ни одной склянки, оставляя их на крайний случай.

Каменная махина появилась на моем пути как-то незаметно и внезапно. Только что шел, аккуратно переставляя ноющие ноги и прислушиваясь к шорохам вокруг себя, а через минуту кусок скалы размером с трехэтажный дом буквально выпрыгнул из мглы, намереваясь стукнуть меня по лбу.

Прислонившись к скале спиной, я позволил себе передохнуть и отдышаться. Шорохи и тьяканье приблизились. Но мне временно было не до мелких тварей, кружащих около. Потому что на вершине холма, который я миновал совсем недавно, появилась цепочка огоньков.

Очень похоже, что я немного неверно оценил возможности врага и скорость, с которой он делает свои дела. Теперь нужно мчаться со всех ног в спасительные развалины...

Рядом со мной раздалось тихое рычание, и я, подпрыгнув от неожиданности, шваркнул оземь сразу оба зелья, сжимаемых в мокрых от пота руках.

Взметнулось два столба пламени, и из-под моих ног с визгом метнулся в сторону крупный шакал, унося на себе частички горящего зелья. И освещая собравшуюся вокруг меня в полукольцо стаю.

— Гады, — пробормотал я, лихорадочно размышляя. Огня зверье не особо испугалось, ну, за исключением поджаренного мной неудачника.

Достал еще одну склянку и с мстительной ухмылкой метнул ее туда, где скопилось больше всего хищников. Увы, умные твари лишь порскнули в разные стороны, а затем опять вернулись на свои места, с любопытством рассматривая огонь.

— Сволочи... — В последние минуты мой лексикон не отличался разнообразием. Отходить от скалы мне было попросту страшно из-за скопившихся хищников. А вспышки алхимии уже наверняка увидел кто-то из погони, получив отличный ориентир для поиска. Вот и получается, что шакалы попросту постерегут меня до прихода той самой погони, а затем передадут ей. И сами ничего не получают, и меня угробят, тупые твари.

Пришлось, внутренне обливаясь слезами сожаления, вытаскивать из рюкзака взятый у

отца здоровенный копченый окорок. Зелья почти погасли, но все же можно было рассмотреть, как при его виде стая оживилась, придвинулась немного ближе и жадно закрутила носами.

— Да-да, крысы вы помоечные, — пробормотал я, копаясь в рюкзаке дальше и выуживая бутылочку с неизвестной отравой.

— Сейчас будет вкусняшка... — Аккуратно, стараясь не пролить ни капли жидкости, я облил окорок ядом.

Огни, сопровождающие погоню, появились уже на другом пригорке, заметно ближе. Я изо всех сил кинул окорок в сторону, противоположную развалинам, тут же швырнув огненный бутылек в шакалов, преграждающих дорогу к спасению.

План удался если не полностью, то почти. Бóльшая часть стаи с рычанием и визгом бросилась в темноту вслед за улетевшим окороком. Звери впереди меня разбежались, дав возможность со всех ног рвануть к цели. Проклятье, как же больно...

К сожалению, пока я добрался до первых построек, мне пришлось израсходовать еще пару зелий — шакалы, похоже, не удовлетвоались подачкой и очень быстро вновь догнали меня.

Но затем все изменилось, словно по волшебству. Стоило мне вступить на запретные улицы, как за спиной раздался тоскливый и разочарованный вой, а затем послышался легкий топоток десятков лап, стихающий вдали. Ушли на поиски другой добычи.

Не обращая внимания на мелькнувшие уже довольно близко огни преследователей, я повторил ритуал, который в свое время делал Ольд, а именно — встал на середине улицы, глядя в центр полуразрушенного городка, и громким голосом произнес:

— Я пришел как гость! Я ничего не возьму! Я никого не потревожу!

Некоторое время постоял, чего-то ожидая, но окутанные тьмой улочки донесли до меня только шорох перекатывающего песок по брусчатке мостовой ветра.

Идти внутрь города не хотелось. Совершенно. Тихий шелест ветра лишь подчеркивал мертвое безмолвие древних стен. Ни стрекота насекомых, ни крысиного писка, ни шуршания проползающей змеи...

Из-за горизонта начала появляться луна, добавляя немного призрачного света в окружающий мир. Стало, правда, только страшнее — начали вырисовываться смутные тени, путающие взгляд и отвлекающие внимание.

Я внезапно понял, что уже минут пять стою на окраине, рассматривая улицу и не решаясь идти дальше. С учителем, да еще и днем, было гораздо спокойнее. Ладно, пора...

Первые робкие шаги не вызвали ровным счетом ничего. Я просто шел по улице, углубляясь все дальше в городок, а за моей спиной ветер потихоньку заметал следы. Та еще головная боль, кстати. В усыпанной песком и пылью местности меня и без собаки любой дурак найдет.

Стало заметно прохладнее. Не до конца высохшая одежда противно морозила кожу. Я поежился, озираясь по сторонам. Пора искать укрытие, в котором можно будет переждать некоторое время. Но вокруг ничего подходящего не появлялось — обычные домики, иногда целые, иногда полуразрушенные. Собственно, все как в Хрустальном. И в таких домиках абсолютно точно не спрячешься — там ни подвалов, ни чердаков, простая коробка для самых непритязательных горожан. Идти нужно было в более богатый квартал, который, если я правильно помнил, начинался сразу за центральной площадью.

Площадь, более-менее освещенная уже показавшейся из-за горизонта луной,

мне не понравилась. Пустая, мрачная, с остатками массивного фонтана по центру. Дома, окружающие ее, выглядели как сумрачные великаны с пустыми черными глазницами окон... Я поежился от холодка, пробежавшего между лопатками. Пора остановиться и немного подумать.

Нет, сама площадь, как и все развалины в целом, совершенно безопасна, если делать все правильно. Можно прямо сейчас выйти в самый центр и попрыгать по фонтану — ничего не случится. Но надо думать о том, как и где спрятаться. Пока что мой путь представлял собой практически ровную прямую. Преследователь вполне может решить, что беглец, напуганный и измотанный, просто бежит вперед, уже ни на что не надеясь. И отправится за мной на противоположную сторону площади. И будет искать там следы, потому что на открытом месте их мгновенно заметет ветерок, гуляющий по городу. Значит, моя задача — оставить эти следы.

Перебегать открытое пространство было страшно, но я себя пересилил. Затем выбрал подходящую улицу, ведущую на юг от площади, сбавил шаг и отправился вперед, стараясь наступать на наиболее заметные участки песка и оставлять более-менее видимые следы.

Подошел к одному дому, потоптался около него, перешел к дому чуть подальше, вновь потоптался и, подтянувшись на подоконнике, отчего ободранные руки протестующе заныли, забрался внутрь. В лицо дохнуло холодом, и я поежился, стараясь не смотреть вокруг магическим взглядом. Это несложно, но зачем оно мне сейчас... Холод — и холод, подумаешь... Ничего такого...

Отгоняя от себя желание глянуть на энергетические потоки, я принялся ходить по зданию, тревожа пылевой покров на полу. Хорошо еще, что лунный свет немного пробивался в дом через окна и провалы в крыше, разгоняя темноту и страх.

Наследив вволю, я устроил импровизированную лежку у окна, выходящего на параллельную улицу. Эта улица продувалась ветром очень хорошо, и песка под окном почти не было — как раз то, что нужно. Затем пожертвовал куском штанов, создав картину «настигнутый беглец в панике выпрыгивает из окна, цепляясь штанами за осколок кирпича». Все. Теперь в срочном порядке обратно на площадь. Надеюсь, туда еще никто не добрался.

Идти пришлось пятясь и стараясь попасть след в след. Ветер, конечно, сгладит все, но осторожность не повредит.

На площади никто еще не появился, поэтому, опять быстро перебежав ее, я без проблем добрался до приглянувшегося мне здания. Песка под ним тоже практически не было, так что следов не осталось. А дальше... Дальше я, шипя от боли в многострадальных руках и ногах, полез, цепляясь за барельефы, на второй этаж. Логика проста — даже если враг станет осматривать все здания подряд, он вряд ли пойдет на второй этаж, если на первом все нетронуто и пусто.

Хитер я и расчетлив, в общем.

Этот дом тоже встретил меня волной холода, но я, устав от восхождения, даже не обратил на это внимания. Привык. Сейчас для меня более важным было обустройство местечка, в котором придется провести ближайшее время. Возможно, даже не один день.

Ревизия рюкзака не выявила ничего, что мне пригодилось бы прямо сейчас. Разве что книги, когда я аккуратно разложил их на полу, оказались отличной защитой от холода каменных плит. А сам рюкзак, заметно отощавший, сошел за неплохую подушку.

Так, собственно, я и затаился в ожидании преследователя или преследователей. Но время шло, луна потихоньку поднималась все выше, уже напрямую заглядывая мне в лицо, а

снаружи все так же слышался лишь шепот ветра, гоняющего перекасти-поле по площади. Очевидно, маг или потерял мой след, или же до сих пор выясняет отношения с сопровождающими — мол, какого демона они отказываются идти с ним в город.

Незаметно наступил сон. Мне снилось что-то холодное... Зима, снежная вьюга, пьющая тепло из моего замерзающего тела... Хороводы снежинок, кружащиеся в волшебном вальсе вокруг меня. И что-то, что кроется за всем этим. Ужас, скрытый в сердце вьюги. Ужас, который медленно приближается ко мне, заставляя расставаться с последними крохами тепла. В окружающем меня хороводе снежинок внезапно загорелись два хищных глаза, и я с булькающим воплем проснулся.

Вокруг было все то же самое, что и до моего сна: жесткие книги под спиной, нетронутый песок на полу комнаты, убаюкивающий шорох ветра за окном. Добавился лишь усиливающийся холодок и отголосок ужаса, засевший в груди.

Я рефлекторно, не думая о предостережениях учителя, напрягся, и картина мира дополнилась магическим зрением.

В моем горле родился и умер крик, превратившийся в жалкое хрипение, а сам я засучил ногами, пытаюсь отползти к стене. Потому что прямо рядом со мной стоял и водил в воздухе руками скелет. Призрачный, сочащийся голубоватым светом, окутывающим полусгнившие кости. С огромными кривыми когтями, выросшими на месте пальцев, с зубастой пастью, не имеющей ни малейшего сходства с человеческим ртом, и с полыхающими недобрым багровым светом глазницами.

— А... — Я уперся в стену спиной и остановился. Было бы побольше сил — прыгнул из окна, наверное.

Призрачный скелет, оценив по достоинству мои телодвижения, медленно развернулся ко мне и оскалился. Зубы у него точно не были похожи на человеческие — сплошные клыки, иглами торчащие из челюстей. Я почувствовал, что еще чуть-чуть — и мне придется либо покинуть этот мир из-за разрыва сердца, либо банально потерять сознание.

Скелет протянул руку вперед, все так же медленно и неспешно.

— Я ничего не брал, — поспешно заговорил я. — Я чту традиции! Я никогда не брал ничего из вашего города и никогда ничего не возьму. И я оставлю вам дар перед уходом!

Рука остановилась, немного не дотянувшись до меня. Казалось, призрак в задумчивости решает, жить мне или умереть. К счастью, я действительно ничего не брал — сделать это означало автоматически подписать себе смертный приговор. Ольд выяснил это давным-давно, даже провел эксперимент — заплатил двум нищим по десять золотых, и они зашли в проклятые развалины. Прошли сотню шагов, затем один из них заглянул в ближайший дом и взял оттуда что-то. Потом все совершенно спокойно вернулись в Хрустальный. Да только на следующую ночь тот, кто вынес безделушку из развалин, умер. А второй вроде жив до сих пор.

Немного поразмышляв, призрак опустил руку, смерил меня недобрым взглядом красных буркал и медленно растворился в воздухе. Стало немного теплее. И гораздо спокойнее.

Ольд, в принципе, много чего знал об этом месте. После эксперимента с нищими заинтересовался, не один год искал сведения и находил.

На обычный вроде бы городок однажды свалилась неприятная напасть — магическая война. Собственно, как и на всю Пустошь, как теперь называют наш полуостров. И досталось городку ни много ни мало, а какое-то могучее заклинание древних магов, сейчас, слава богам, с концами утерянное. Сотворил заклинание один из магов отступающей армии

— и вымер городок. Мгновенно вымер. И тела, кстати, исчезли. А вот призраки — остались, точнее, появились. Бессмертные, смертельно опасные и невидимые. Это сейчас второстепенные нити заклинания развеялись, и их может любой ученик рассмотреть. А в тот момент, когда наступающая армия зашла в городок, увидеть такого призрака не получилось бы ни у кого в принципе.

Вот и расположились войска в городке, посчитав его стихийно брошенным. Переночевали без проблем, отправились дальше тоже без проблем. Но как не прихватить с собой в дорогу какую-нибудь безделицу? Монетку найденную, сковороду удобную, сапоги новые... В общем, много чего взяли с собой покидающие город. Почти каждый взял. А на следующую ночь явились призраки. И утро встретили только те, кто ничего себе не присвоил. Шесть человек.

Интересные, в общем, заклинания древние маги создавали. А мы тут хлебными катышками балуемся.

Мои размышления прервали едва слышные голоса с улицы. Я обратился в слух.

— И куда теперь, следопыт?

— Сейчас узнаем, господин. Никар, держи факел повыше.

Прозвучавшее имя заставило меня беззвучно выругаться. Сокар и Никар — братья-близнецы, пошедшие по стезе охотников за древностями и следопытов. Лучше их следов не распутывал никто. В Хрустальном, понятно.

— Он здесь постоял, помешкал немного, скорее всего, ему страшно было идти через площадь. Потом решил и побежал. Нам, скорее всего, напрямик, там должны обнаружиться новые отметки.

— Идем.

Наплевав на голос рассудка, я осторожно приподнялся, аккуратно выглянув из окна. Через площадь целеустремленно шли пять человек. Маг, двое стражников, судя по тускло блестящей металлом одежде, два брата-следопыта. Один, выпрямившись, держал над головой факел, второй, наоборот, согнувшись, рассматривал мостовую под ногами. Ага, удачи...

Преследователи пересекли площадь, немного покрутились на другой стороне, затем Сокар что-то начал показывать на земле, и все пятеро скрылись между домами, повторяя мой путь.

Из окна дома напротив вылетел призрак, немного повисел на месте, затем развернулся и вновь скрылся в оконном проеме. Мало их осталось. Ольд говорил, что призраки — одноразовые. Один призрак на одного вора. Приходит ночью, останавливает сердце, превращает в труху украденную из города вещь — и развеивается. За последние десятилетия было много дураков, заходивших сюда. И многие уходили не с пустыми руками. Так что количество призраков постоянно сокращается, и рано или поздно они исчезнут совсем.

Но не сегодня.

Спать больше не хотелось. Какой сон, когда рядом летают скелеты, а на тебя идет охота.

В дверь заглянула зубастая полупрозрачная морда, ощерилась множеством клыков и исчезла. Пожалуй, лучше перестать рассматривать энергетические узоры, для сердца полезнее. Когда призраков не видишь, их как бы и нет. А холод — подумаешь, холод...

Нового появления преследователей пришлось ждать почти до рассвета. Луна давно скрылась за домами, ветер усилился, радуя песчаной поземкой, призраки оставили меня в покое. Я даже вздремнул немного, но потом все же проснулся из-за впившейся в ребро книги — и практически сразу после этого пятерка людей опять вышла на площадь. Я старался

смотреть самым краешком глаза, уповая на то, что с такого расстояния меня не должно быть видно.

Вышедшие на площадь даже издалека выглядели немного растерянными. Братья размахивали руками, показывая во все стороны и, по-видимому, негодуя из-за моей хитрости. Маг стоял и мрачно рассматривал дома вокруг. Стражники тоже глазели по сторонам, но их интерес был более прозаичным — проведя всю ночь в городе, они, похоже, уверовали, что здесь ничего страшного нет, и искали, чем бы поживиться. Похоже, про призраков маг никому не сказал. Ну и правильно, я бы тоже промолчал. Часто лишние знания только вредят.

На той стороне площади тем временем завязалась оживленная беседа, по результатам которой один стражник очень резво помчался в мою сторону и, топая сапогами, исчез из поля зрения. Похоже, пошел за подмогой.

Остальные, кажется, решали, что же делать дальше. Жаль, отсюда их не слышно.

Решили, к сожалению, то, чего я и боялся: оставив второго стражника следить за площадью, оба следопыта и маг отправились в стоящее рядом здание. Зашли, минут через пять вышли, перешли к следующему. Опять несколько минут осмотра — и новое здание. Я начал немного нервничать. Минут через двадцать, если все так и пойдет, они дойдут до моего дома. А здесь уже как повезет. Хорошо еще, что рассматривать энергетические потоки через стены не получается. Иначе меня нашли бы вообще в два счета.

Преследователи подошли совсем близко, и я перестал выглядывать наружу, вместо этого лихорадочно думая, что же делать в том случае, если меня найдут. Из оружия у меня оставалась склянка с огнем, два ножа... еще бутылек с ядом, но как уговорить врага его выпить?

Пока что наиболее разумным мне казался вариант, где я угрожаю поджечь склянкой книги, если меня не отпустят живым. Слабый, очень слабый вариант. Даже самому не верилось в его счастливое исполнение. Скорее всего, уговорят отдать бутылек, а потом просто убьют. Но хоть какая-то надежда.

Я замер в углу комнаты, сжимая склянку, проклиная себя за то, что поленился залезть этажом выше, и стараясь не дышать.

Минут через десять внизу раздались голоса.

— Здесь тоже пусто, следов нет. Скорее всего, он выбрал какую-нибудь улочку, где хорошо гуляет ветер, и ушел по ней.

— Наверх идем? — Мое сердце замерло...

— Нет, посмотрим следующий дом. — ...И отмерло. — Думаю, без собак мы его действительно здесь не найдем. Что думаете, следопыты?

— Нам может повезти, — раздался голос какого-то из братьев после паузы. — Но мальчишка явно не потерял головы и вообще не зря учился у лысого мага. Дошел все же до такого места, где можно скрываться очень долго. Вам он настолько сильно нужен?

— Очень сильно. — Мне послышалось, что у мага даже скрипнули зубы. — Эта мелкая крыса уволокла с собой то, за чем я прибыл в ваш город. И я сделаю все, чтобы вернуть это.

— Ясно, господин Шаран. В таком случае остается делать только то, что вы и так приказали. Из развалин никого не выпустят, а мы здесь его рано или поздно найдем.

— Господин... — На этом моменте голоса отдалились и стихли, а я, расслабившись, сел на пол.

На первый раз выкрутился. И у меня есть, похоже, очень много времени до того, как они

обнаружат мое убежище. Но вот фокус с запираанием в развалинах мне откровенно не понравился. Я понял, о чем говорили преследователи: достаточно поставить часовых с собаками вокруг городка — и мне будет практически нереально выбраться из него незамеченным. А пить, между прочим, уже хотелось, и довольно сильно. До этого момента я как-то не придавал жажде значения, готовясь, что прямо сейчас меня будут убивать... А вот ощутив отсрочку приговора, мигом ее почувствовал.

Увы, в рюкзаке был только бутылек с ядом, пить который категорически не хотелось. Да я даже вино отдал отцу, ничего себе не оставив. Проклятье. Идиот.

За окном потихоньку начало светать, и я начал готовиться к самому длинному дню в своей жизни. Без воды, без еды, разыскиваемый целой кучей народа... С этими мыслями я незаметно уснул.

Пробуждение было ужасным. Тело ломило от твердых и угловатых книг. Рот пересох, и попытки пошевелить языком напоминали перемешивание кирпичных обломков в деревянном ведре. В довершение всего сверху меня покрывал тонкий налет пыли, заставляющий слезиться глаза, скрипящий на зубах и вызывающий нестерпимое желание чихнуть.

Минут через пять я все же выжал из себя достаточно слюны, чтобы смочить рот, стряхнул пыль и немного размял мускулы. Пришла пора узнать, что творится вокруг. Я осторожно выглянул в окно. Хмыкнул.

Вокруг не творилось ровным счетом ничего. Абсолютно пустой и безжизненный город, как обычно. Возможно, конечно, где-то меня тщательно искали, исследуя каждый закоулок, но здесь, в центре, была полная тишь.

Вот и вопрос — а что делать-то? Выходить на улицу и куда-то идти — глупо. Лучше уж ночью, тогда шансов больше на то, что до края развалин дойду. А дальше мне все равно не пройти.

Я снял куртку, заново развалился на полу и уставился в потолок. Решение проблемы не приходило. Повернулся, рассмотрел ближайшую стену. Делать было нечего. Более того: делать что-то было откровенно опасно. Но какие-то шаги мне предпринимать все равно придется, иначе через пару дней я просто загнусь от жажды. Или не загнусь, а сам, добровольно и радостно, сдамся в руки преследователям. Может, кстати, они этого и ждут.

Оставшееся до вечера время я терзался от жажды, вождедеющим взглядом рассматривал жидкость в склянке с ядом и пытался вспомнить, как добыть воду в пустыне. Пара способов имелась, но реализовывать их точно нужно было не в засыпанном пылью здании.

С наступлением сумерек стало немного легче. Появилось даже развлечение — плюнув на риск, я выбрался на крышу и теперь оттуда рассматривал окрестности, предусмотрительно прячась за каменными статуями, украшавшими ее края.

Окрестности не радовали. Вокруг развалин виднелась цепочка костров, между которыми медленно двигались туда-сюда маленькие искорки — факелы. Не пройти никак, ни при каких обстоятельствах.

Я нервно сглотнул, ощущая шершавость языка и горла. В голову в первый раз пришла мысль о том, что ради воды можно и убить. Наверняка же кто-то сейчас обыскивает развалины. И, скорее всего, это не маг... как его там? Шаран. Оружие у меня есть, пусть орудовать им я и не особо умею. Нужно лишь найти того, кто ищет меня, а у него наверняка есть фляжка... Бурдюк...

Рассвет следующего дня я встретил, прячась на окраине развалин. Всю ночь я крался по

темным улицам, одержимый жаждой убийства, и весело улыбался появляющимся иногда поблизости призракам. Я и сам, наверное, начал напоминать нечто потустороннее. Красноглазое, изможденное, хрипящее, пыльное и с ножами в обеих руках. Классическая нежить из детских страшилок.

Однако ночью по городу никто не ходил, все сидели возле костров и наслаждались водой и едой... проклятые продажные сволочи, готовые за золотой предать своего же соседа.

Утро принесло мне новую надежду. В мою сторону отправился отряд из трех человек. Еще несколько таких групп виднелись вдалеке. А вот мага нигде не было видно. Наверное, действительно ждет, когда дичь сама выпорхнет к нему в руки.

Тройка поисковиков потихоньку приближалась к дому, который я выбрал своим укрытием и ловушкой. Надеюсь, они в него зайдут — я специально оставил небрежные следы, ведущие внутрь. И, надеюсь, я смогу убить всех троих. Если кто-то сумеет убежать и поднять тревогу, мне придется очень несладко...

Они зашли.

— Да нет здесь никого тоже. Это прошлая группа наверняка след оставила. Нас вообще сюда просто так отправляют, мне кажется. Чтобы его испугать.

— Смотри по сторонам лучше. Если найдем, сможем год не работать.

До меня донесся какой-то скрип и непонятное шуршание.

— А я ведь его знал немного, — послышался третий голос. — Когда он еще у своего папаши в трактире работал. Даже в глаз ему двинул как-то по пьяни.

Послышался дружный хохот, и меня покинули последние мысли о недопустимости убийства людей и прочих глупостях. Шаги приблизились.

— Да точно говорю — нет его здесь. — Прямо подо мной, притаившимся на этаж выше перед дыркой в полу, появилась зашедшая в комнату троица.

Пора. Я нервно облизнул пересохшие и потрескавшиеся губы, а затем спрыгнул вниз, прямо на них.

Расчет был на то, что я еще в полете ударю ножами двоих, а дальше уже положусь на удачу в схватке с третьим. Реальность оказалась немного иной. Правый нож, как и планировалось, вонзился в шею одному из троицы... и вывернулся у меня из руки, застрыв намертво. Левый же в цель не попал, распоров другому противнику плечо и заставив его завопить от боли.

Пол больно стукнул по ногам, и мое ослабшее тело предательски шлепнулось на задницу. Пара секунд прошла во всеобщем ступоре, сопровождающемся жалобным воем парня, которому я рассек руку. Затем вторая моя жертва тяжело опустилась на пол, продолжая стелать и заливать все вокруг своей кровью.

И все вновь завертелось. Я, видя перед собой этого недобитка, из положения сидя дернулся к нему, ухватил за штанину правой рукой, беспорядочно нанося удары ножом левой. В голове засели когда-то сказанные Ольдом слова про важную артерию, находящуюся у людей с внутренней стороны бедра, и я старался в нее попасть.

Последний из троицы, видя все это, проявил недюжинную сообразительность, рыбкой нырнув в ближайшее окно. К сожалению для него, совпало два обстоятельства — слишком уж хороший и прочный ремень был у него на поясе и слишком непредсказуемо архитекторы древности разместили на стенах крючки для фонарей. Один из них по случайности находился прямо под окном, в которое и прыгнул незадачливый акробат, повисший сейчас вниз головой и отчаянно дрыгающий ногами.

Жертва в моих руках перестала дергаться, и я как можно быстрее двинулся к окну, где висящий лихорадочно пытался расстегнуть пояс. Находясь вниз головой, сделать это было достаточно сложно...

— Прощу, не убивай! Не убива-а-а-а... — Дотянуться до него было очень сложно, я сам почти вывалился из окна, но все же закончил начатое. И последним усилием затащил тело обратно в дом.

Обессиленно рухнул у стены, шальным взглядом обводя комнату. Местный филиал пыточной камеры адептов какого-нибудь темного божества. Кровавые потеки и три трупа, забрызганные кровью с головы до ног, лежащие в живописных позах. Я глянул на лицо последнего, и меня вывернуло наизнанку. Больно, мучительно, одним желудочным соком...

Минут через пять стало полегче. И я, стараясь не всматриваться в детали, принялся обыскивать тела. Счастье и радость — бурдюк с водой был у каждого! Я пил, пил и не мог напиться, уже мало обращая внимания на обстановку комнаты. Вода! Блаженство.

Опомнился я только после того, как опустошил второй бурдюк. Живительная влага плескалась уже у самого горла, и я остановился. Оставшуюся воду мне придется растягивать очень долго... А повторить такое еще раз я точно не смогу.

Немного погодя опять взялся за обыск. В этот раз мое внимание привлекли мешочки с провизией, ножи, несколько мелких монет и довольно неплохой меч, который нашелся у одного из убитых. Все было незамедлительно рассовано по карманам, меч привязан за спиной, и я собрался было возвращаться в свое убежище, но остановился. Ольд говорил, что врага нужно не только убивать сталью и магией, но еще и пугать, вызывать в его душе трепет, который заставит в решающий момент сделать ошибку.

Превозмогая отвращение, я начал перетаскивать тела. Усадил одного в остатки кресла, придав вальяжную позу. Расположил в такой же расслабленной позе второго — рядом на полу. Затем, угробив немало времени, закрепил с помощью только что присвоенных, а теперь вбитых в стену ножей третьего искателя приключений — так, чтобы открывающаяся внутрь дверь загоразживала его собой. Пусть будет легкий сюрприз для тех, кто сюда зайдет.

Напоследок вымазал в разлитой на полу крови руку и оставил на самой двери отпечаток кровавой пятерни. Стало мерзко, и пришлось потратить немного драгоценной воды, чтобы смыть красную жидкость.

Обратно к площади удалось добраться без всяких приключений. Старался только, чтобы ноги не наступали в песчаные насыпи. Залез в свое логово опять по стене, благо вода и почти подчистую съеденная по дороге провизия придали сил.

После чего, шлепнувшись на книги, почти мгновенно заснул сном младенца. Не верьте, что после первого убийства люди не могут заснуть. Могут, если на их долю выпадает то же, что и на мою.

Следующие два дня я практически не высовывался из своего убежища, лишь время от времени поднимаясь на крышу и осматривая окрестности. Мозоли на ногах и ссадины на руках потихоньку заживали — это плюс. Опять заканчивалась вода и еда — это минус.

За это время цепочка сторожевых костров стала заметно чаще — похоже, ловить меня собралось чуть ли не все население Хрустального. Но в сами развалины больше никто не совался — скорее всего, нашли тела, и никто не хотел рисковать, бродя по внушающему страх городу, где скрывался загадочный убийца — еще и безжалостный маг к тому же.

В целом мое положение становилось все более тоскливым. Новые запасы еды и воды я мог получить теперь только у костров оцепления, а там наверняка меня с нетерпением ждут. Пока еще жажда и голод чувствовались не очень сильно, но через день-два я опять окажусь на грани.

Как выбраться из ловушки, я за эти два дня так и не придумал. Сначала бездумно валялся, рассматривая стены и потолок. Затем листал книги, служащие мне кроватью. Читать напитанные мудростью фолианты мне сейчас хотелось меньше всего, и я в итоге взялся за книжицу, найденную в кабинете у Ольда.

Книга оказалась написана на языке Срединного княжества — небольшой горной страны, расположенной в самом центре континентальной цивилизации. Я помнил ее описание из географического атласа: несколько обширных горных долин, с речками, озерами и гейзерами, а также вулканом, просыпающимся раз в несколько лет. Княжество представляло собой уникальный замкнутый мирок, где процветало животноводство, добыча золота и драгоценных камней. Единственное, чего там было мало, — это врагов. Окружающие государства давно поняли, что пытаться завоевать лакомый кусочек, пробираясь по доступным не в каждое время года узким перевалам, довольно сложно. И плюнули на это дело после череды неудачных попыток, предпочитая торговать, втридорога меняя ткани и оружие на сапфиры и презренный желтый металл. В итоге в прибыли оказывались все — соседи наваривались за счет перепродажи, жители княжества же, получая все необходимое, аккуратно наращивали оборонительный потенциал, при этом отнюдь не бедствуя и то и дело отправляя своих детей на учебу в университеты Империи и Сакка.

И потихоньку строили у себя в горах рай на земле. Гномы, не особо любящие людей, но очень жадные до денег, приезжали со своего острова и возводили несокрушимые бастионы на границах княжества. Эльфы, еще больше не любящие людей после последней войны и зажатые в своем несчастном лесу, отправляли архитекторов и Говорящих с Лесом, создавая дворцы для знати и великолепные парки для всеобщего пользования. А затем покупали на полученные деньги провизию и оружие в надежде все же не вымереть, а в перспективе — отомстить ненавистному Сакку и заодно остальному человечеству.

Ну а простые мастера из окрестных земель выстраивались в очередь за подрядами на строительство и ремонт домов, улиц, мостов...

Хорошо быть богатым. Неудивительно, что именно в Срединном княжестве и началась мода на изысканную развлекательную литературу, один из образчиков которой я сейчас держал в руках. Язык княжества очень похож на распространенный повсеместно имперский, на котором говорили как в Хрустальном, так и по всему полуострову, — проблем с чтением у

меня не возникало.

А вот само повествование вызывало легкую оторопь, смешанную с восторженным удивлением.

Дело в том, что автор книги, некто Галлард Среброусый, замахнулся, ни много ни мало, на Пустошь. Впрочем, понять его можно — у нас здесь довольно загадочный край, диковинок хватает. Собственно, шастающие вокруг меня призраки не дадут соврать. Но Среброусому того, что у нас есть, показалось мало, и он от души добавил экзотики.

Началось все довольно банально — нищий, но гордый аристократ влюбился, причем не в кого-нибудь, а в дочь первого советника Великого князя. И прекрасная дева ответила ему взаимностью! Увы, строгий отец, хоть и не стал сразу же ссылать на рудники незадачливого ухажера, поставил перед ним невыполнимое условие — принеси, мол, из центра Пустоши, с самого Мертвого плато, яйцо хрустального дракона — и будет тебе счастье, личный дворец и дочка в придачу.

На этом месте я даже задумался и принялся старательно копаться в памяти. Дело в том, что Мертвое плато у нас действительно есть — на северо-запад от Хрустального, в довольно мрачной местности, где когда-то прошли последние битвы двух противоборствующих армий. Ну, это теперь, после войны, те края мрачные и безлюдные. Так вот, есть там и плато, довольно большое. Этакий стол причудливой формы, выступающий на добрую милю над окружающей местностью. Место наверняка опасное, наполненное отголосками переплетенных заклинаний, не особо добрыми обитателями и даже, возможно, нежитью — точно этого никто не знает. Так что советник не абы куда своего потенциального зятя отправил, а прямиком на тот свет, можно сказать.

Но это понятно, все в рамках жанра. Меня заинтересовало, откуда автор, осведомленный о заброшенном плато, находящемся в глубине нашего заброшенного полуострова, взял драконов? Да еще и хрустальных. Летающих ящериц в нашем мире хватало, кое-где даже самые настоящие драконы остались, но уж точно не в Пустоши. Здесь же было магическое государство, а для мага нет ничего приятнее и заманчивее, чем пристукнуть дракона и пустить его на ингредиенты для артефактов и всякой алхимии.

Но ладно, пусть будут хрустальные драконы.

Отважный юноша немедля продал свой особняк, распустил слуг... На этом месте я, наплевав на опасность быть обнаруженным, несколько минут ржал, как конь, утирая слезы. Нищий. Нищий аристократ, чтоб его...

Так вот, продал он все, нанял отряд могучих воинов и отправился к нам в гости. Без особых проблем добрался до Перешейка, и тут его скрючило, перекорежило, отправило в беспамятство... А когда очнулся, он обнаружил, что барьер, окружающий Пустошь, пробудил в нем магическую силу!

Здесь я должен отметить, что барьера на Перешейке никакого нет. Вокруг полуострова действует постоянное защитное заклинание комплексного действия — к нашим берегам никогда не пристанет ни один корабль. Собьется с курса, попадет в череду быстрых водоворотов, встретится с миражами и неожиданными штормами... И если каким-то чудом все же пройдет всю эту вакханалию, творящуюся среди коварных рифов, то у самого берега просто и без затей будет сожжен чудовищным ударом молнии. Собственно, про рифы, миражи, водовороты и шторма рассказали чудом спасшиеся горе-мореплаватели из других стран, а вот то, как молнии в пепел сжигают непрошенных гостей, видно уже с нашей стороны.

Так вот. Барьер есть, но он морской. По суше никто никому передвигаться не мешает. И уж точно не пробуждает у влюбленных юношей магических талантов. Такой талант сейчас вообще редок — один человек на несколько тысяч похвастаться может. Мне вот повезло... М-да.

Дочитав до этого места, я отложил книгу и, уже почти не хромя, опять поднялся на крышу. Все было без изменений. Потихоньку уходящее к закату солнце освещало вальяжно передвигающиеся неподалеку от города черные точки. Точки ходили, сидели, иногда собирались в кучки и наверняка о чем-то разговаривали... Тьфу.

Я повертел головой. Всюду виднелась примерно одинаковая картина. Серо-желтые полуразрушенные дома, потихоньку сходящие на нет к краю развалин, за ними — песок пополам с камнем... И то и дело — дымки костров, люди...

Безрадостную картину дополняло кое-что еще, на что я сначала не обратил внимания. Далеко на западе горизонт слегка застилало легкое море. Приняв его за обычный пустынный мираж, собрался было спускаться обратно в свою комнату, когда в голову пришла неожиданная мысль — какой мираж при такой погоде? В разгар лета, когда воздух над раскаленными песками переливается от зноя, — возможно. Но сейчас, даже с учетом неожиданных вывертов климата в наших краях — вряд ли.

Значит, шалит погода. И, судя по направлению ветра, движется эта шалость в нашу сторону. Ветер, кстати, заметно притих.

Немного помедлив, внимательно рассматривая горизонт, я направился к себе в убежище. В наших краях нежданное ненастье — это или сбивающая с ног стена ливня, освещаемая вспышками молний и оглушающая тебя их грохотом, или точно такая же стена летящего со страшной скоростью песка. И песчаные бури у нас случаются на порядок чаще — иначе здесь была бы не пустыня, а поросшие сочной травой луга и поля с веселыми зайчиками и косулями.

Предстояло тщательно и быстро собираться в дорогу. В любом случае обрушится на город дождь или песок, у меня появится шанс скрыться, убежать от преследователей. Дождь еще и обеспечит меня водой... Но в этот вариант не верилось — слишком уж несбыточное совпадение, чтобы ливень, накрывающий Хрустальный и окрестности раз в полгода-год, пришел именно сейчас.

Книги аккуратно улеглись в рюкзак. Всякая мелочь отправилась за ними. Ножи я кое-как прицепил к поясу. Рубашку, пропахшую потом и заляпанную грязью, но единственную и поэтому очень дорогую сердцу, отложил в сторону, как и меч. Клинок я планировал оставить в развалинах, ибо непонятно, будут призраки считать его своим или нет. Я же раздобыл меч в городе, а не принес с собой. Не хотелось бы из-за паршивой железки расстаться с жизнью. А из рубашки надо будет сделать повязку на голову, защищающую от песка.

В куртке, надетой на голое тело, было непривычно и неудобно. Сапоги тоже доставили пару неприятных мгновений — ступни, конечно, немного зажили, но не полностью же. Однако в целом я был готов к бегству из города. Главное — чтобы буря, если это действительно она, не прошла мимо.

На крыше все так же ласково светило солнышко, вдалеке гуляли стерегущие меня люди. Единственное отличие — полностью стих ветер. В проклятом городе, лишенном даже крыс и насекомых, наступило абсолютное, мертвое спокойствие.

И тишина...

Сброшенный вниз любопытства ради кусочек камня ударился о мостовую с таким

резким, звонким и инородным стуком, что я даже присел от неожиданности.

Слабое эхо прокатилось по площади, отражаясь от стен, вернулось, покружилось возле меня и исчезло. Я опасливо выглянул за край крыши и осмотрелся. Но внизу опять наступила тишина и неподвижность. Напрягся и посмотрел вокруг магическим зрением — ничего. Даже мои зубастые знакомые — и те куда-то пропали.

Марево на горизонте тем временем заметно приблизилось, принимая очертания клубящейся темной тучи, раскинувшейся на всю западную сторону неба. Вспышек внутри видно не было — значит, точно надвигается песчаный ураган.

Поклонялся бы какому-нибудь богу — обязательно помолился бы ему перед дорогой. Но, поскольку пока в жизни мне было не до богов, я и сейчас, собравшись, лишь попрыгал на месте, держа рубашку в руках, а затем внимательно изучил комнату — не забыл ли чего.

И быстрым шагом спустился по лестнице вниз. Больше возвращаться сюда я не собирался, так что и хранить нетронутость пыли смысла не видел.

Идти по улице было страшно. За последние два дня я как-то привык к безопасности своего убежища, а сейчас враги мерещились мне за каждым углом. Но дом за домом безмолвно оставались за спиной, я уже подходил к окраине развалин, а никого так и не встретил. Лишь холодок, гуляющий по спине, становился все сильнее и сильнее, запускал когти под кожу, ласково трогал ребра...

Не выдержав, я включил магическое зрение и оглянулся.

Они были здесь.

Десятки призрачных фигур плотными рядами двигались по моим следам, скаля клыкастые пасти и глядя на меня вождедеющими багровыми глазами. Мне с перепугу показалось даже, что я вижу призрачные слюни, от нетерпения пускаемые зубастыми тварями, но это, скорее всего, было лишь мое воображение.

Я остановился как вкопанный. В душе зрело четкое ощущение того, что моя жизнь неотвратимо прервется сразу же, как только я выйду за черту развалин.

Призраки остановились тоже.

Безмолвный безжизненный город. Развалины домов, покрытые песком улицы. Недвижимая человеческая фигурка. И призрачная толпа, замершая напротив нее.

В горле предательски пересохло. Что делать-то? Где-то, похоже, была допущена ошибка... Так, точно, меч...

— Хозяева... — голос позорно дрогнул. — Хозяева, я уйду с тем, с чем пришел!

Меч, жалобно звякнув, лег на мостовую. Туда же шлепнулся снятый с трупа бурдюк. Обойдусь как-нибудь. Правда, выпить оставшиеся в нем капли воды у меня смелости хватило.

Я сделал на пробу несколько шагов в сторону выхода, отмечая, что ветер опять начал легонько перекачивать песчинки под моими ногами.

Призраки двинулись за мной. Я вновь остановился. Они остановились тоже.

— Да что же вам нужно... — Страх немножко отступил — не убили сейчас, значит, не убьют, пока не сделаю чего-нибудь дурного, например, не пересеку границы развалин. Значит, нужно просто подумать.

Минут через пять до меня наконец дошло. В самую первую встречу с зубастым скелетом я пообещал ему оставить в городе подарок. И забыл. Надеюсь, что за мной идут именно из-за этого.

— Хозяева, я обещал вам подарок за гостеприимство, — немного торжественно

произнес я. — Возьмите этот нож, побывавший в схватках и обгаренный кровью врагов, в знак моего уважения!

Один из ножей лег на самый центр мостовой. Ничего, у меня еще есть, а зубастые, может, отвяжутся.

Один из скелетов отделился от толпы и величаво проплыл к подарку. Протянул когтистую лапу ладонью вниз — и нож взлетел прямо в его пальцы. Мне послышался легкий вздох облегчения, и в этот момент клинок рассыпался невесомой пылью.

Призрак некоторое время висел неподвижно, а затем неуловимым движением приблизился вплотную ко мне. Сочащиеся багровым огнем провалы изучающе уставились мне в глаза. Я, в свою очередь, старался даже не дышать.

Скелет, по всей видимости, удовлетворившись увиденным, отодвинулся на шаг, а затем, заставив меня вскрикнуть от неожиданности, одним ударом когтей разорвал у меня на груди куртку. Протянул руку вперед...

Я закрыл глаза, не желая видеть момент своей смерти. Но смерть не пришла. Пришла боль, и пришел холод, немного смягчающий эту боль. Затем, через несколько мгновений, холод ушел, а боль немного стихла. Постояв еще минуту в полной неподвижности, я осмелился приоткрыть один глаз.

Вокруг опять виднелись лишь мрачные коробки домов. Под ногами все быстрее и быстрее кружились в бесконечном танце песчинки. Призраки ушли.

Переведя взгляд на болящую грудь, я с тупым удивлением увидел на ней буквально прорезанную в коже сложную закорючку, потихоньку сочащуюся кровью. Что было еще непонятнее — в магическом зрении она нестерпимо сияла энергией. И сияние это было малость неприятным, с легким багровым оттенком, напоминающим о бездонных глазах призрака.

Я от греха подальше прикрыл грудь курткой, пытаюсь хоть как-то соединить разорванные застёжки. Более-менее мне это удалось. Очевидно, призрак нарисовал на мне какую-то руну, весьма щедро наплатив ее энергией. Хочется верить, что сделал он это в виде благодарности за подарок, а не с далеко идущими гнусными замыслами. Как-нибудь попробую найти эту руну в книге и прочитать про нее — надо же понять, что и зачем со мной было сделано.

Налетевший ветерок встряхнул мои волосы и закружил на мостовой крохотный смерчик. Пора было двигаться дальше. Лучше встретить бурю ближе к краю города, чтобы сразу же отправиться в путь.

В итоге пришлось затаиться не на самой границе развалин, а чуть дальше вглубь — слишком уж сильно были разрушены последние домики и слишком хорошо просматривалась территория между ними. Да и ближайший костер виднелся совсем неподалеку. Там тоже уже заметили наступление песчаной тучи и сейчас лихорадочно готовились — расстилали полотно и шкуры, под которыми можно укрыться от непогоды, вбивали глубоко в землю длинные колья, чтобы было за что закрепить эти самые шкуры... Но никто не пытался укрыться в городе, под защитой стен. Видать, крепко я их напугал. Может, кстати, дело в другом — гуляющие по городу поисковики наверняка что-то взяли на память. Если не все, то многие. Оставшиеся теперь, понятно, развалин боятся пуще прежнего.

А я тем временем, вполглаза наблюдая за сборами у костра, сосредоточенно вязал на рубашке узлы, пытаюсь создать надежную защиту от песка. Получалось плохо. Ткань была довольно невысокого качества, между нитками просматривались заметные просветы. Все

это недвусмысленно говорило о том, что наемся я сегодня пыли от души. Сложенная вдвое и намотанная на голову, рубашка стала внушать чуть больше доверия, но при этом напрочь лишила меня возможности что-то увидеть. Чтоб ее...

Тем временем небо стремительно темнело, а люди в оцеплении спешно прятались в импровизированных укрытиях, затаскивая туда же собак и лошадей. Температура воздуха быстро поднималась. Над землей с шелестом неслась песчаная поземка, время от времени добираясь уже до колен. Пришлось подняться и окончательно закрепить на голове рубашку — песок начал скрипеть на зубах, лезть в глаза, а дышать становилось все сложнее.

И вот свершилось. Как будто кто-то одним движением окончательно погасил горящую в комнате лампу. Ветер взвыл жалобным голосом... и затих, умолк, заглушаемый шипением и свистом несущегося песка.

Нетвердо ступая, стараясь не упасть и одновременно пытаюсь ориентироваться, я выбрался из дома на улицу. И встал, овеваемый горячим песчаным потоком. Нет, я отлично помнил, куда идти. Еще на крыше своего дома я выбрал направление — буду двигаться строго на юг, к берегу моря. Далеко, но там хоть точно есть вода и пища.

А вот уверенности в том, что я, ничего не видя, смогу преодолеть хотя бы несколько сотен шагов и выйти за оцепление, — ее, этой уверенности, больше не было. Я чувствовал себя слепым котенком, оставленным на произвол стихии.

Решиться отпустить стену дома было трудно. Очень трудно. Но я все же сделал этот шаг. И второй, и третий. Аккуратно переставляя ноги и шаря впереди себя руками, я медленно продвигался вперед, стараясь не упасть под ударами ветра.

Проблемы начались, когда я вышел за пределы города и дорога банально закончилась. Я прошел всего несколько шагов и уже начал сомневаться в правильности направления. Единственное, что хоть как-то мне помогало, — это то, что развалины находились в небольшой впадине. Так что я, уже через несколько минут потерявший всякую ориентацию в пространстве, просто шел вверх. Куда именно вверх — я понятия не имел. Но, по идее, двигался я к свободе и спасению.

Песок, некоторое время пытавшийся пробиться сквозь рубашку и забить мне легкие, сменил тактику. Теперь он пропитывал собой всю щелочки в ткани, пытаясь лишить меня доступа к воздуху.

Кожу на открытых участках тела начало саднить от ударов несущихся с громадной скоростью раскаленных песчинок. Дышать становилось с каждой минутой все сложнее и сложнее. Я внезапно очень четко осознал, насколько бредовой была идея отправиться в путь в разгар песчаной бури. Немного поздновато, правда, осознал.

Через двадцать минут восхождения я почувствовал, что стою на какой-то вершине. Куда дальше двигаться — решительно непонятно. Попытка что-то увидеть, сняв рубашку, привела к забитым песком глазам и горящим от пыли легким. Защитное приспособление пришлось срочно вернуть на место.

В конце концов до меня дошла простая и банальная истина. Песчаная буря несется с запада на восток. Да, время от времени в ней крутятся вихри, сбивающие с толку, но общее направление постоянно. Когда я выходил из города, песок летел в меня аккуратно справа. А сейчас... хм.

Сейчас песок уверенно и сильно толкал меня в спину. Я что, получается, несмотря на все свои попытки держаться курса, ушел куда-то вбок?

Решительно подставив песчинкам правую щеку, благо прикрытую рубашкой, я вновь

отправился в путь.

Шел. Спотыкался и падал. Сгибался в приступах жесточайшего кашля, пытаюсь избавиться от песка, проникающего в легкие. Страдал от жары, пронизывающей пространство. Но все же продолжал идти, держась так, чтобы ветер постоянно дул в правый бок.

Минуты казались часами. Часы — я не знаю, были ли они. Возможно, я действительно двигался таким образом несколько часов. Скорее всего — минут сорок. Но внезапно ветер начал стихать, а могучий поток песка, пытающийся то и дело сбить с ног, — немного слабеть. Буря, стремительно нагрянув, столь же стремительно уходила дальше.

А мне, похоже, пора было приступать к следующей части плана. Будь я на месте разыскивающих беглеца людей — после песчаной бури обязательно сделал бы вокруг развалин огромный круг, ища следы возможного побега. Благо лошади есть.

И значит, пора прекращать идти и начинать прятаться. Уходящая буря заметет мои следы, присыплет меня самого песком — и останется только лежать и ждать. Долго лежать и долго ждать.

Подходящее убежище нашлось у неприметного длинного камня, косо уходящего в землю. Не обращая больше внимания на потихоньку успокаивающийся ветер, я снял куртку и надел вместо нее рубашку. После чего залез в ложбинку у основания камня, пропихнул под голову рюкзак и накрылся курткой. Ноги, правда, остались снаружи, но что делать.

Буря утихомиривалась еще с полчаса, потраченные мной на попытки избавиться от набившегося в рот, нос и глаза песка. А затем как-то резко и неожиданно все закончилась. Я даже смог выглянуть наружу, рассматривая постепенно появляющиеся на небосклоне первые звезды. Судя по рисунку созвездий и тому, откуда я пришел, все было сделано правильно — я действительно двигался на юг. Теперь остается уповать на то, что меня не обнаружат в моем убежище.

Я постарался приспособиться на песке поудобнее и заснуть.

Пробуждение мое, как обычно в последнее время, было малоприятным. Мне было холодно, очень холодно. Камень, около которого я лежал, казался куском льда, песок под моей спиной — снежной насыпью. Проснувшись, я даже решил, что по мою душу опять пришли призраки, но вокруг ничего такого не было. Собственно, меня просто застигло расстройство обычного для пустыни колебание температуры, но сообразил я это немного позднее.

Прямо сейчас же я пытался свернуться как можно более теплым комочком, который вдобавок смог бы поместиться под курткой. Увы, чуда не произошло. И мне пришлось, проклиная все на свете, опять доставать из рюкзака книги и выкладывать из них импровизированную постель. Рюкзак в итоге был надет на ноги в поисках дополнительной защиты от холода. А сам я свернулся в непонятную руну, почти полностью спрятавшись в куртке. В результате всех этих манипуляций стало действительно теплее, и я вновь сумел провалиться в сон.

День принес мне жажду, голод и первое доказательство правильности моих мыслей — в миле-полтора на север от моего убежища проехали двое всадников. Желание отправиться дальше в путь мгновенно угасло. Думаю, пару дней я точно продержусь и без еды, и без воды, хотя без воды не хотелось бы. А значит, отправлюсь не раньше завтрашнего вечера. Лучше медленнее, но безопаснее.

Остаток дня я вдумчиво читал про приключения влюбленного аристократа, ставшего вдруг магом. Добравшись до первого нашего города на Перешейке — Чернолесья,

новоиспеченный маг, само собой, бросился на поиски лавок, торгующих волшебными редкостями. И, о чудо, уже во второй обнаружил загадочный древний амулет, переливающийся разноцветной энергией. Причем купив его за двести золотых монет. Да, нищий, совсем нищий... Так вот, купив неизвестный амулет, этот идиот тут же надел его себе на шею.

Нет, я, конечно, понимаю, что Галлард, написавший этот шедевр, не в курсе, что энергия бывает разных оттенков, но она не может вот так вот просто переливаться. Изменяющийся цвет энергии — или признак, что с ней работает маг прямо сейчас, в данную секунду, или же ясный сигнал о том, что в этой точке пространства она откровенно нестабильна и в любой момент может произойти выплеск. Взрыв, если по-простому.

Хорошо, не знал. Но неужели нельзя было вложить в голову герою хоть каплю мозгов и не заставлять его цеплять на себя неизвестную и, возможно, смертельно опасную побрякушку?

К счастью, с нашим аристократом ничего не случилось, и он, соблазнив по ходу дела в трактире двух официанток... Хм, интересные нравы там, в княжестве. Так вот, соблазнив и развратив всевозможными способами официанток, аристократ, отдохнувший душой и телом, отправился дальше вглубь Пустоши.

Да, именно, этот дурак не поехал по проторенному караванами пути, а решил добраться до места, срезав путь по безлюдным просторам, куда и многоопытные-то охотники захаживать опасаются. Читать книгу становилось все интереснее.

Впрочем, нашим охотникам до аристократа оказалось далеко. Перебив вместе с отрядом толпу нежити в заброшенном городе, он остановился на привал и, глядя перед сном в темнеющее небо, успел заметить странные блики среди облаков.

Не сомневаюсь, что это был тот самый загадочный хрустальный дракон... Или кристальный, забыл уже.

Читать, в конце концов, все же надоело, сон пока что не шел, так что книга с приключениями аристократа отправилась на песок, а сам я, рассматривая далекое синее небо, принялся размышлять о том, куда именно мне следует двинуться.

В принципе, в Пустоши есть девять полноценных городов и городков, хаотично разбросанных и живущих каждый своей жизнью. Чернолесье — самый крупный и успешный, что и неудивительно — туда, с одной стороны, стекаются ценности и диковинки со всего полуострова, а с другой — богатые покупатели, готовые дорого за них платить ради того, чтобы потом получить во много раз больше уже в столицах континентальных государств.

Наш Хрустальный живет за счет проезжающих караванов. У нас, конечно, пытаются разводить буйволов, стараются что-то находить в глубинах заброшенных городов, но все это — крохи, которые очень быстро оказываются в руках торговцев, везущих в город провизию. Нищий у нас город, в общем.

А вот Орлиный Утес, бывший когда-то лишь крохотным городком неподалеку от столицы бывшего Небесного королевства, занимавшего до войны весь наш полуостров, сейчас разросся до размеров полноценного города и является настоящим местом паломничества для искателей приключений всех мастей. Столица, Каххар, один из древнейших городов в мире, во время войны трижды переходила из рук в руки и до сих пор хранит в себе множество сокровищ, тайников, подземных складов. Но и ловушек, нечисти, нежити, призванных существ тоже хватает. Я бы и сам отправился в Орлиный Утес, если бы он не был на другой стороне полуострова, отделенный от меня сотнями миль

недружелюбных земель.

На этом моменте я грустно хмыкнул. От Хрустального и до Золотого Треугольника-то добраться весьма сложно, а Утес еще дальше. Мне сейчас открыта дорога только в Дозорную башню — это еще один нищий поселок на караванном маршруте, ведущем в Чернолесье. Собственно, когда-то была просто дозорная башня, стоящая на холме, а потом ушлые люди понастроили постоянных дворов, трактиров — и получилось маленькое поселение. В которое, кстати, ведет путь не только от нас, но и от того самого Золотого Треугольника. Так что у них немного оживленнее все.

Еще, правда, можно отправиться в Янтарный — конечную точку караванного маршрута. Но это дикая глушь, и добираться до нее нужно примерно столько же, сколько и до Утеса. Люди там все поголовно копают землю. С утра до ночи. Огромные ямы, овраги, шахты. А все для того, чтобы собрать тот самый янтарь, высоко ценящийся по всему миру. Правда, отдают его караванщикам они за бесценок, меняя на провизию, которой там днем с огнем не сыщешь.

Перебирая в голове населенные пункты полуострова, я грустил все больше и больше. Мне хотелось попасть в Золотой Треугольник или в Орлиный Утес, но, похоже, топтать придется все же в Янтарный. Во все остальные города нужно идти или через смертельно опасные земли, или через Дозорную башню. А там, я думаю, если у мага Шарана все в порядке с мозгами, меня опять будут ждать. Не верю я, что он, потратив столько усилий, не перекроет эту дорогу.

Собственно, в Янтарном меня тоже можно найти, но там как-то побольше людей, да и добираться туда сложнее. Может, надоест ему за мной охотиться и не полезет он на край полуострова.

Решено, отправлюсь в самый западный город Пустоши. Правда, сначала все равно нужно будет дойти до берега моря, оставив между собой и недоброжелателями пустыню. И раздобыть воды и еды. А уже потом пытаться выбраться на караванную дорогу, желательно подальше от Хрустального. Проблема в том, что эта самая дорога не зря делает большую петлю, огибая обширную местность, где когда-то располагалось сразу несколько городов.

Наши местные охотники за древностями частенько ходят в эти города. Но все реже и реже возвращаются, а рассказывать о том, что же там внутри, вернувшиеся не особо спешат. Не знаю уж почему — то ли сами не видели ничего, то ли конкурентов опасаются.

С трудом дождавшись вечера в своей песчаной могилке, я опять ушел в сон. По крайней мере, пока я спал, мне не хотелось есть и пить. Правда, мучили кошмары про призраков, от которых я старался убежать и никак не мог этого сделать.

Проснулся, по традиции, невыспавшийся, злой, с ноющими мышцами, сухим ртом и потрескавшимися губами. Хотелось плюнуть на все и отправиться в путь сейчас же, но я опять пересилил себя и оставался в убежище до самого вечера. И лишь когда солнце ощутимо склонилось к горизонту, поднялся, отряхнул с себя пыль, песок, закинул на плечи рюкзак с заметно потяжелевшими за последние дни книгами... Пора в путь.

Первые шаги дались тяжело. Все тело протестовало против каких-то движений, намекая на то, что гораздо проще и приятнее остаться на месте и тихо умереть, не изводя себя лишними страданиями. Но потихоньку я все же втянулся. Шаг за шагом оставались позади. А до морского берега было еще около сотни миль.

Когда на небе начали появляться звезды, я устало опустился на песок. Меня не радовали даже лошадиные следы, которые я недавно пересек и которые говорили о том, что я

правильно сделал, проведя под камнем лишние сутки, — меня действительно продолжали искать.

Я таким образом точно никуда не дойду. В голове уже мутилось от усталости и жажды, в каждом мускуле поселилась ноющая боль, желудок тоже недвусмысленно напоминал о себе.

Хорошо еще, что сейчас уже осень и нет летней жары, иначе я бы, наверное, не выбрался даже из-под того камня.

Пора было как-то думать о том, чтобы добыть хоть сколько-нибудь воды. В пустыне, в принципе, это тоже можно сделать. Главное — поймать ночные испарения, идущие от почвы.

Ямка в земле копалась тяжело и долго, но все же была выкопана. С помощью ножа и длинных витиеватых проклятий. Теперь ее нужно было накрыть чем-то, на чем осаждалась бы испарившаяся с земли влага. Подходила только кожаная куртка, так что на эту ночь я остался без теплой одежды. Еще нужна была емкость, в которую бы капала собравшаяся вода, но здесь я встал в тупик. У меня просто не было ничего подходящего. Некоторое время я даже думал вылить огненную жидкость из пузырька, но все же отказался от этой идеи. Слишком мала емкость, да и не очень хотелось пить воду с примесью алхимии. И терять чуть ли не единственное оставшееся оружие — тоже.

В итоге, побродив по окрестностям, я откопал в песке плоский камень с небольшим углублением на одной из сторон. Надеюсь, получится.

Камень улегся внутри выкопанной ямки, куртка накрыла ее. Пришлось прижать края другими камешками и в центр тоже положить маленький булыжник — чтобы куртка прогнулась над лежащим внизу камнем и вода, осаждающаяся на коже, стекала бы прямо в углубление.

Ночь была наполнена холодом и страданиями. Не помогали ни книги, ни намотанный на тело рюкзак, ничто. Единственным утешением была лишь надежда на то, что с такими переменами температуры моя ловушка для воды точно что-то да соберет.

Утро я встретил в радостном лихорадочном возбуждении и тотчас же пополз проверять водосборник. Аккуратно снял куртку и, к своей несказанной радости, обнаружил маленькую лужицу жидкости, скопившуюся в каменном углублении. Утолить мою жажду эти крохи точно не могли, но они все же давали шанс на жизнь.

Вообще по пустыне следовало бы передвигаться ночью, чтобы не ловить на себе лучи теплого солнца, но каждую ночь теперь я буду собирать воду, так что идти придется все равно днем.

Камень я, после продолжительных колебаний, все же засунул в рюкзак. Да, дополнительная тяжесть, но откуда я знаю, попадет ли мне такой удобный булыжник в дальнейшем.

Этот день полностью напоминал предыдущий, за тем исключением, что теперь я шел практически только по песку — каменистые или покрытые землей участки встречались все реже. Ну и еще я изо всех сил осматривался по сторонам, пытаюсь найти хоть какую-то живность, которую можно было бы съесть. Один раз увидел огромного, с ладонь размером, черного скорпиона, закидал его бесценными книгами из рюкзака. Попал только с третьего раза.

Дохлая скорпион вызывал какие угодно чувства, кроме желания его съесть. Глянцевый, страшный, покрытый жесткими волосками.

В конце концов, хрустя, давась скорлупой и отчаянно сражаясь с тошнотой, я его все же съел. И стал высматривать следующего, потому что голод, чуть отступив, вернулся с

удвоенной силой, не говоря о том, что одного скорпиона истощенному организму было явно мало.

Несколько раз неподалеку виднелись пустынные прыгуны, но на них я даже не обращал внимания — шансов поймать такую шустрюю добычу у меня не было.

Вечер застал меня уже на самом краю настоящей песчаной пустыни. Впереди до горизонта простирались изогнутые холмы барханов, а где-то там, за ними, меня ждало море. Еще миль пятьдесят-шестьдесят. Всего-то.

На найденном земляном участке была выкопана очередная ямка и расставлен водосборник. Сочный и упитанный скорпион немного отодвинул жажду, но она никуда до конца не делась, продолжая скручивать внутренности в узлы и заставляя мечтать о реках, озерах, прудах, оазисах... А еще о скорпионах, крысах, змеях и прыгунах — есть хотелось не меньше, чем пить.

Интересно, будет ли хоть какая-то живность в песках, через которые мне предстоит идти завтра...

Глоток воды проскользнул меж потрескавшихся губ, слегка смочил рот и, оказавшись в горле, мгновенно там исчез, впитался без остатка. Второй, который я немного подержал во рту, прежде чем проглотить, добрался лишь чуть-чуть дальше.

На этом вода закончилась.

Облизав камень, я решительно, хоть и с неким сожалением, отбросил его. Предстоял переход по пескам, и таскать на себе лишний вес было бы не самым лучшим решением.

Собрался с духом, постоял немного на последнем твердом участке почвы, почесывая спутанные грязные волосы. Тяжко вздохнул и отправился в путь. Насколько мне помнилось, по пустыне лучше всего идти по верхушкам барханов. Вот туда, на гребень первого песчаного холма, я и направил свои стопы.

Идти было неприятно и тяжело. Ноги проваливались в мелкий красноватый песок, измученное тело с трудом лезло по крутому склону. На самом верху, правда, двигаться стало чуть полегче.

[Купить полную версию книги](#)